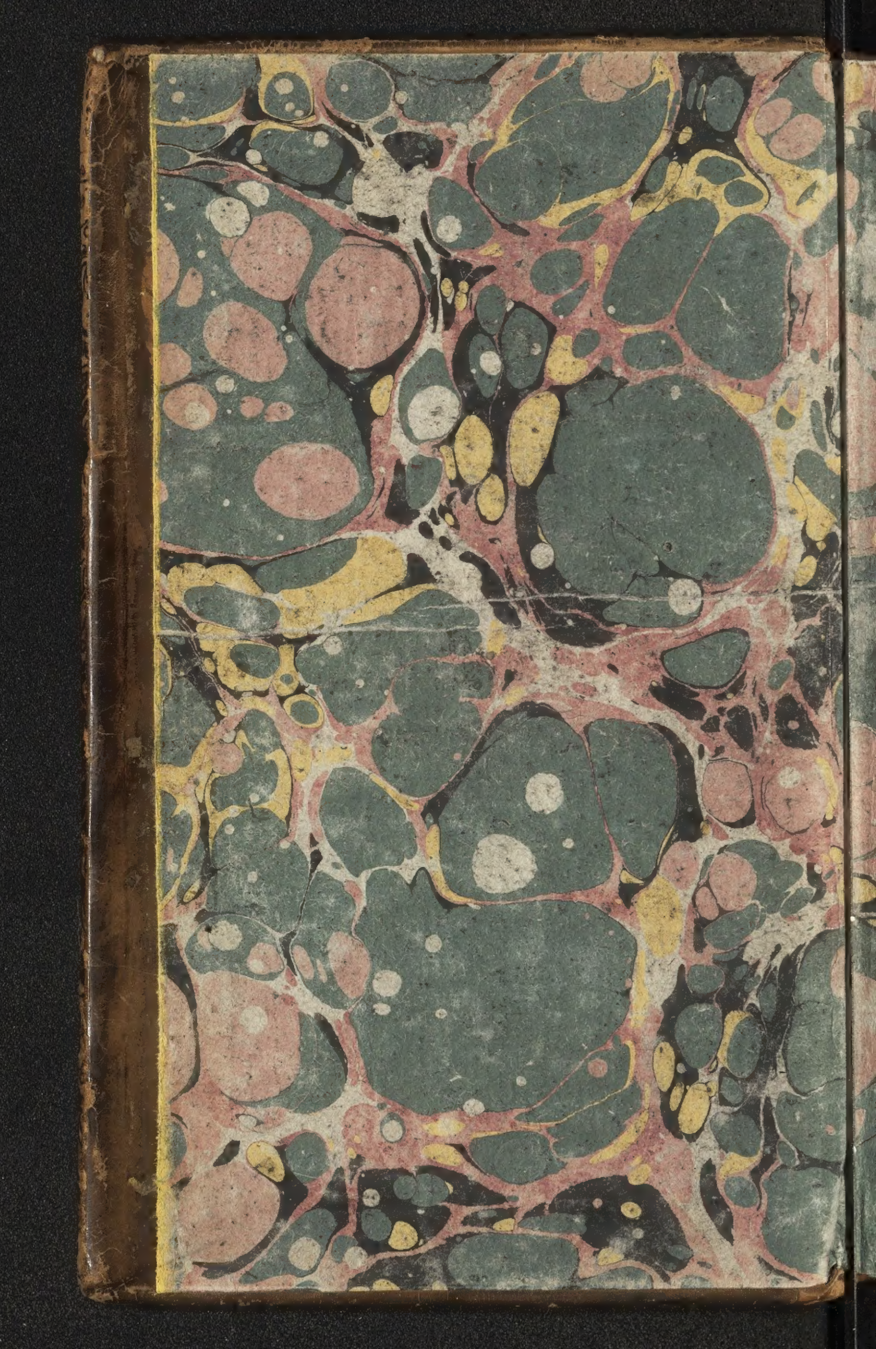
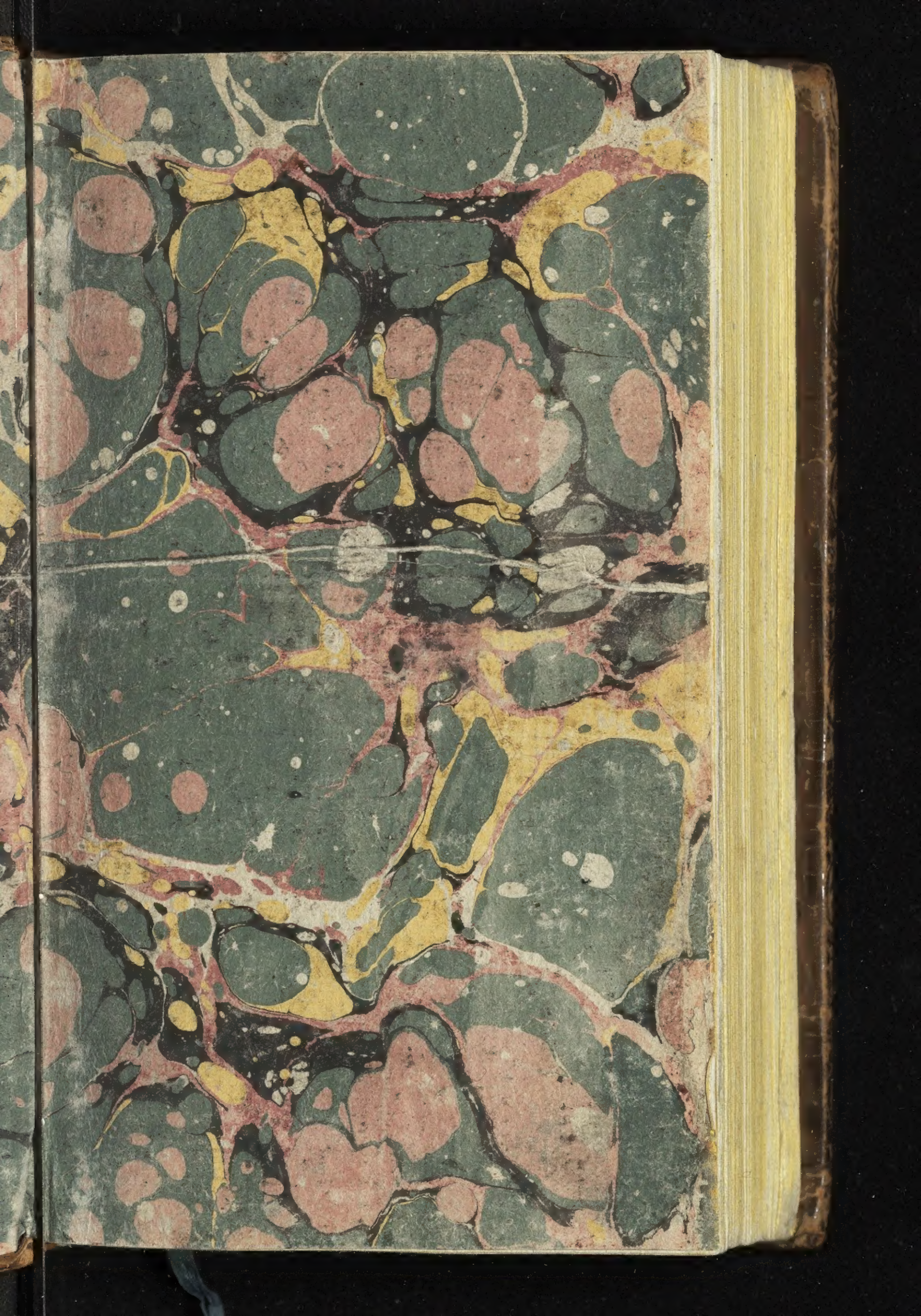
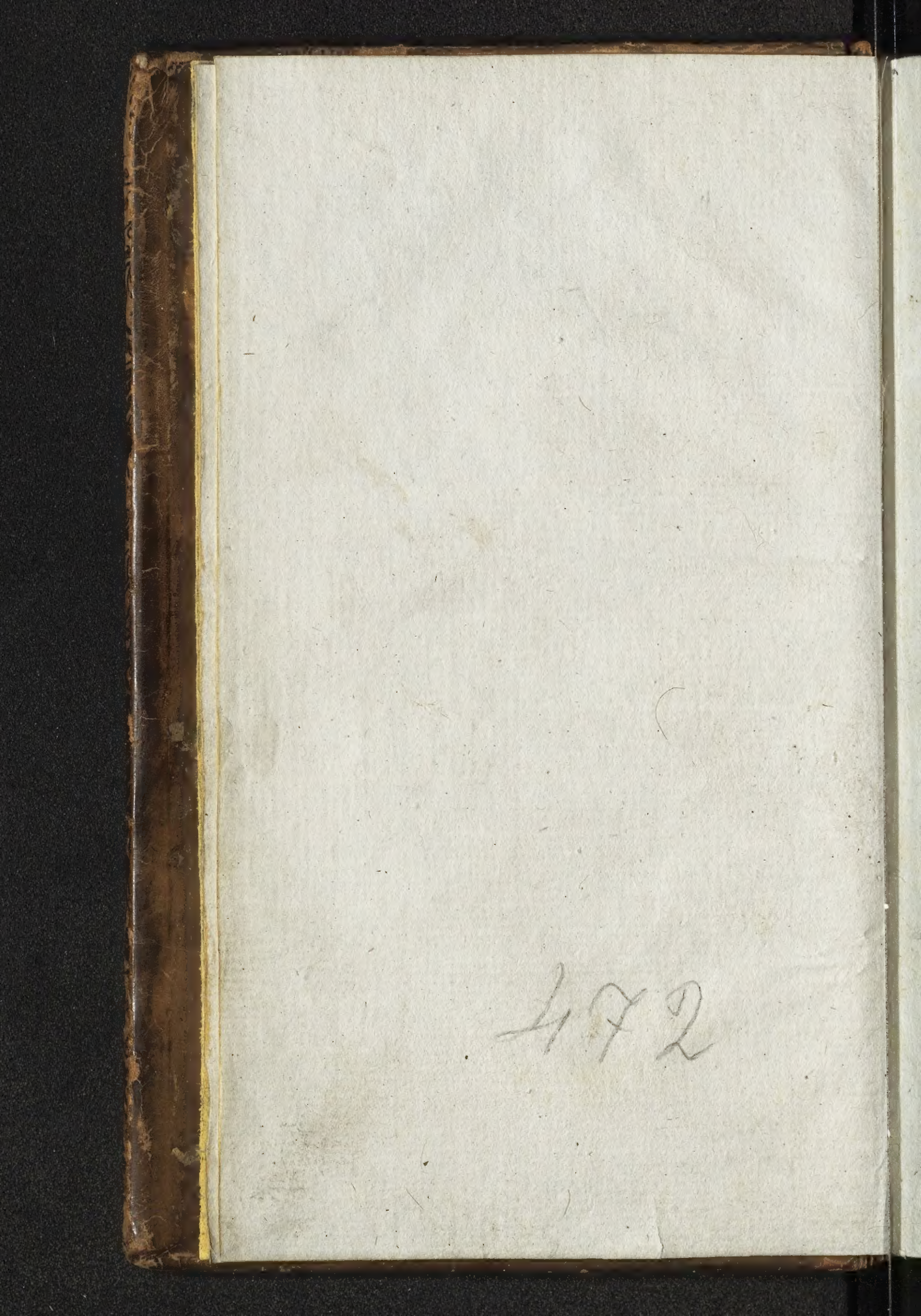





472

ВЕЧЕРА
МОЕЙ БАБУШКИ,

творенiе

ДЮКРЕ-ДЮМИНИЛЯ.

Автора Лолотты и Фанфана, Яшеньки и Жеоржеты, Виктора или дитяти въ лѣсу, Поля или оставленной аренды, Юлiи или человѣческаго сердца, и прочихъ.

Est genius natale comes qui temperat astrum.

Гарацiй.

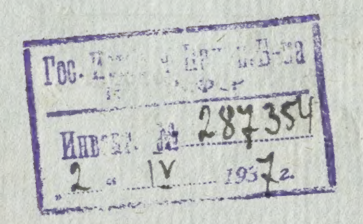
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Переводъ съ Французскаго.

МОСКВА,
Въ Типографiи С. Селивановскаго,
1803.

Продается у книгопродавца *Матвѣя Глазунова.*

С дозволенія
Московскаго Гражданскаго
Губернатора.



ПРЕДЪУВѢДОМЛЕНІЕ.

Ученіе о духахъ, говоритъ Вольтеръ, гадательная астрологія и магія распространились по всему свѣту. Посмотрите на древній вѣкъ Зороастровъ, и вы увидите, *что еще тамъ* родились первыя понятія о духахъ. Вся древность наполнена астрологами и магиками. Такія понятія были *тогда* слишкомъ обыкновенны. Въ нынѣшнее время мы смѣемся надъ всѣми народами, надъ которыми тиранствуетъ такое мнѣніе. Естьли бы мы были на ихъ мѣстѣ; естьли бы мы, подобно имъ, только что начина-

ли обрабатывать свои познанія: то и мы сами неиначе бы поступали. Положимъ, что мы получили бы отъ природы острыя дарованія; тогда начали бы разсуждать о своемъ существованіи и дѣлать свои наблюденія надъ звѣздами; тогда безъ сомнѣнія землю представляли бы мы себѣ въ срединѣ міра неподвижною, солнце и всѣ планеты вращающимися вокругъ нея, всѣ звѣзды созданными для насъ однихъ; и такъ мы бы заключили, что человѣкъ есть знаменитѣйшій предметъ всей природы. Что значатъ всѣ сіи міры, единственно для нашей пользы созданные, и сія неизмѣримость небесъ?

Очень возможно, что сїе пространство и шары населены существами; и такъ какъ мы любимцы природы, помѣщенные въ центрѣ мїра, — и, такъ какъ все сотворено для человѣка: то и онымъ существамъ (такъ бы мы думали) предназначено имѣть особенное попеченїе о человѣкѣ.

Вотъ причина легковѣрїя, которымъ ослѣплены всѣ почти люди въ разсужденїи добрыхъ и злыхъ духовъ и влїянїя ихъ на щастїе или нещастїе. Греки имѣли своихъ демоновъ и какодемоновъ; Римляне добрыхъ и злыхъ духовъ, и Персы, изобрѣтатели своихъ Перовъ и Дивовъ имѣли духовъ, обыкновенно называемыхъ *фе-*

ями (волшебницы). Персы считали главныхъ духовъ до 31. *Багаманъ*, *Дебадуръ*, *Куръ*, *Ма* и проч., изъ которыхъ каждый имѣлъ свою область. Персы первые изобрѣли ученіе объ Ангелахъ хранителяхъ и злыхъ духахъ.

Египетъ *занялъ* свои суевѣрныя мысли у Халдѣевъ, которые равномѣрно получили отъ Индѣйцевъ; и Греки, почитавшіеся долгое время изобрѣтателями, были только подражатели Египтянъ. Гезїодъ предалъ ученіе о духахъ: по его мнѣнїю всякой человѣкъ имѣетъ у себя и добраго и злаго духа, такъ точно, какъ всякой имѣетъ свою звѣзду. Сатана у Персовъ былъ злой

духѣ, произведшій брань между Дивами и Перами, т. е. феями.

Вѣ этой богословіи Жиды и Христіане почерпнули понятія о злыхѣ духахѣ, свергнутыхѣ сѣ неба, и о прельщеніи Еввы однимѣ изѣ главныхѣ сихѣ духовѣ тьмы.

Ангелѣ на Греческомѣ языкѣ значитѣ посланника. Онѣ есть духѣ, посредствующій между Богомѣ и человѣкомѣ. Евреи называютѣ его Малакимѣ, Греки Демономѣ Персы Перомѣ. Сообразно сѣ духомѣ сихѣ народовѣ, вѣ древнемѣ Еврейскомѣ переводѣ принято десять степеней или чиновѣ Ангельскихѣ.

1. ХеосЪ-акодеши, чистые, святые.
2. Офамины, хищные.
3. Оралины, могущественные.
4. Шазмалимы, пламя.
5. Серафимы, искры.
6. Малакимы, Ангелы, посланники, депутаты.
7. Элоимы, боги, судіи.
8. Бен-элоимы, чада боговЪ.
9. Херувимы, образы.
10. Ишимы, оживотворенные.

ВотЪ древняя миѳологія добрыхЪ и злыхЪ духовЪ, перешедшая сЪ востока вЪ Грецію, а изЪ Греціи вЪ Италію, и потомЪ распространившаяся по всей Европѣ.

По сему Перы и Дивы, называемые вообще феями, были

у Персовъ родъ духовъ или мечтательныхъ полубоговъ, которые жили на землѣ и отличались чудесами своими: или благодѣтельными, покровительствуя другими, или враждебными, нанося несчастія. Сіи полубоги не имѣли никакой связи ни съ кѣмъ изъ тѣхъ духовъ, которымъ посвящены были храмы публично или привапно въ древнемъ Римѣ, или въ древней Греціи, кромѣ только *однихъ личинъ* (larves). Нѣкоторые баснословы утверждаютъ, что феи занимали средину между Богами, людьми, Ангелами и демонами. Персы и Арабы чрезвычайно въ нихъ вѣровали; по крайней мѣрѣ можно это

видѣть изъ многихъ повѣстей о феяхъ, которыми наполнена ихъ исторія. Древнія волшебницы, каковы были Медея, Канидія и многія другія, могли собою подать другимъ поводъ вѣрить злымъ волшебницамъ, такъ *точно* какъ благосклонные Нимфы произвели благодѣтельныхъ волшебницъ.

Нѣкоторые думаютъ, что какой-то демонъ, какъ можно видѣть у Гезїода, располагалъ всѣми Геркулесовыми подвигами; также, что Нума смягчилъ нравы своихъ Римлянъ при помощи одной Эгерской Нимфы, и что Сократъ знался съ какимъ-то демономъ. Съ этимъ мнѣнїемъ родились

всѣ благодѣтельныя феи, которыми наполнены всѣ Италїянскїя поэмы и многїе древнїе Аглинскїе, Французскїе, Италїянскїе, Ишпанскїе и проч. романы. Такого роду феи были: Манто, Урганда, Глорїанаде, Спенсеръ, Ложиетилла, Армида и многїя другїя. Сїи *меньшїя божества* въ произведенїяхъ воображенїя занимаютъ мѣсто языческихъ боговъ, и каждое изъ нихъ по своей части *пособствуетъ воображенїю* производить чудесное, забавное, иногда и смѣшное, но всегда почти нравственное, Кинольтъ весьма въ рѣзкихъ чертахъ изобразилъ характеры Медеи, Аркабонны, Армиды. Аржина,

Зораида, Теана суть пріятныя копіи оныхъ славныхъ оригиналовъ.

Всѣ народы имѣютъ свои волшебные романы; и всѣ сего рода сочиненія заключаютъ въ себѣ нѣкоторую остроту. Тамъ порокъ наказывается съ невѣроятною скоростію, и это поражаетъ читателя; тамъ добродѣтель получаетъ награду блистательную, сверьхъ естественную, и читатель бываетъ внѣ себя: вотъ достоинство всѣхъ волшебныхъ сказокъ! По этому Перольтовы сказки заслужили всеобщее одобреніе. Молодыя дѣти, читая ихъ съ жадностію, не могли не чувствовать какого-нибудь впеча-

тлѣнiя. Всякой съ удовольствiемъ воспоминаетъ, какъ онъ будучи въ дѣтствѣ читалъ *Маленькаго Пуссета*, *синюю бороду*, *кота въ салогахъ*, *Сандрильона*. Для многихъ молодыхъ дѣтей они были первымъ наставленiемъ, первымъ правиломъ нравственности. Перольтъ умѣлъ соединять съ выгоднымъ положенiемъ и обстоятельствами своихъ героевъ рѣдкую простоту въ слогѣ и точность, въ чемъ Гжа. Доноя должна уступить Г. Перольту. За то въ повѣстяхъ Донои больше тонкости, больше остроты въ слогѣ, больше чувствъ и вообще нравственность открытѣе и лучше принаро-

влена ко всѣмъ человѣческимъ возрастамъ, нежели у Перольта. *Прелеста и Персинетъ, синяя птица, домовой дѣдушка* всѣ прекрасны по своимъ плѣнительнымъ оттѣнкамъ нѣжности и чувствительности. Авторъ ничего не упустилъ въ пользу своего сочиненія: въ немъ видна любезная и тонкая женщина.

Чтенія сего рода романовъ только потому не можно одобрить, что они наполняютъ голову дитяти сверьхъ-естественными вещами, которыя устрашаютъ его и не даютъ ему чувствовать той простоты, какую доставляетъ нравственность, представленная въ лицахъ. Безъ сомнѣнія по-

вѣсти о волшебницахъ доставляютъ работу нѣжному дѣтскому воображенїю; и посему-то онѣ въ памяти глубоко врѣзываются и надолго оставляютъ нравственность, въ себѣ заключающуюся: такъ точно, какъ сокровища, которыя часто находятъ на морскомъ берегу послѣ продолжавшейся долгое время бури, когда вода возвращается на прежнее свое мѣсто. Езоповы и ла-Фонтеневы басни представляютъ намъ разительныя черты нравственности. Малыя дѣти безъ всякой опасности могутъ вытверживать ихъ наизусть. Впрочемъ въ нихъ выставлены совсѣмъ не натуральные раз-

говоры. Они могутъ даже увѣрить ихъ въ томъ, что животныя могутъ говорить. Я самъ зналъ одного мальчика, который дома всегда бѣгалъ отъ собаки и отъ кошки, боясь, чтобъ онѣ, разинувши свою пасть, не заговорили съ нимъ.

Изъ этаго примѣра нельзя заключить, чтобы вовсе должно было запрещать малымъ дѣтямъ читать лучшія творенія писателей басенъ; но надобно сказать, что естьли даютъ имъ прочесть одну какую нибудь сказку, наполненную чудесными приключеніями, то можно позволить и другую такого же содержанія, или которой цѣль одна и

та же и какъ первой. Всякой человѣкъ, чтобъ быть въ чемъ увѣреннымъ, требуетъ во всѣхъ періодахъ своей жизни сильнаго впечатлѣнія, которое бы поразило его. На дитятей сильно дѣйствуетъ все, что есть чудно; и ежели не даютъ имъ того почувствовать, то онѣ сами выдумаютъ его во взаимныхъ между собою разговорахъ, стараясь тѣмъ изумить другъ друга. На нихъ не столько дѣйствуютъ увѣщанія, сколько примѣры, и несколько примѣры, сколько какое нибудь чрезвычайное приключеніе. И чѣмъ болѣе поразите вы ихъ воображеніе, чѣмъ болѣе устрашите ихъ, тѣмъ съ боль-

шимъ успѣхомъ достигнете вы своей цѣли. Съ того времени, какъ кормилица увѣряла его въ томъ, что естьли онъ тронетъ большую собаку, то она его съѣстъ, даже до того самаго, когда какой нибудь наставникъ разгорячитъ и возвысить духъ его, назначивъ ему изъ Гомера или Виргилія перевесть лучшія мѣста — всегда развертывается и возвышается умъ его, будучи побуждаемъ или угрозами, или убѣдительнымъ совѣтомъ. Надобно, чтобъ тронуло насъ что нибудь; а для этаго нужно все необыкновенное, все чрезвычайное.

Такъ напримѣръ: riquet á-la-houpe *и котомъ въ*

сапогахъ могутъ ли такъ восхищаться наши современники, какъ восхищались ими въ прошедшихъ вѣкахъ? Чегожъ можемъ мы опасаться для будущихъ временъ? Мы видимъ на опытѣ, какъ все ведется въ наши времена. Будучи увѣренъ, что нравственная сказка о *волшебствѣ* столько же невредна молодымъ дѣтямъ, какъ всякая вообще басня или апологъ (столько нравственная), я издаю теперь въ свѣтъ эту книгу такого содержанія. Смѣю сказать, что цѣль всѣхъ моихъ повѣстей есть, быть полезнымъ. Что касается до моего въ томъ успѣха, объ томъ могутъ судить только мои соотечественники: имъ

предоставлена отъ меня эта честь. Избѣгать ребяческихъ излишествъ Перольтовыхъ, сколько можно поравняться въ тонкости и въ привлекательности съ Гжею. Доноею, и потому не упоминать въ своихъ сказкахъ ни о царяхъ, ни царицахъ, ни о царевичахъ, ни о Царевнахъ которые поражаютъ своимъ величїемъ и властью; словомъ теснѣе познакомить моихъ героевъ съ простою природою и со всѣми общественными состоянїями: вотъ все, о чемъ я думалъ при сочиненїи сихъ повѣстей! Не могу не признаться, что сказки Перольтовы и Доноины съ такимъ одобренїемъ приняты были всѣми, какого мои долго не

могутъ получить. Но естьли *мои вечера* когда нибудь удостоены будутъ подобной благосклонности; естьли прочтутъ и мой *разсвѣтъ и хромую крысу*, какъ читаютъ теперь всѣ *котя въ сапогахъ* или *Прелесту* и *Персинета*: тогда, можетъ быть, разувѣрившись въ противномъ мнѣнїи о книгахъ сего рода, публика съ удовольствїемъ найдетъ и въ моихъ сказкахъ хотя малую услугу. Впрочемъ, какъ бы то ни было, я такъ какъ отецъ дамъ читать эту свою книгу своимъ малымъ дѣтямъ и я сердечно обрадуюсь. Тогда я, зная, что нравственная цѣль моего сочиненїя есть та, чтобъ извинить слабости,

не буду раскаяваться въ томъ, что выдалъ въ свѣтъ сей опытъ, за которымъ послѣдуетъ еще другая книжка *о воспитанїи* собразно всѣмъ возрастамъ дѣтства. И такъ въ продолженїе этихъ моихъ волшебныхъ сказокъ я выдамъ два тома, подъ заглавїемъ: *нравственныя сказки моей тетушки* въ пользу дѣтей втораго возраста. Потомъ удостоившись благосклонности публики выдамъ еще два тома въ пользу юношей, подъ названїемъ: *сельскїе завтраки моего дядюшки.*

Всѣ сїи три книги, каждая въ двухъ частяхъ, составятъ вообще собранїе нравственныхъ повѣстей, изъ которыхъ

первая будетъ о волшебствѣ. О чемъ подробнѣе объяснено въ слѣдующемъ предисловіи.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

У папиньки и маминьки насѣ было восьмеро; я былѣ младшій изѣ своихѣ братьевѣ. Но такѣ какѣ маминька всегда раждала по-двое; то и выходитѣ, что я былѣ только однаго году, между тѣмѣ какѣ двое мои братья старшіе были четырехѣ лѣтѣ. Имѣ было восемь лѣтѣ, а мнѣ только что начинался пятый годѣ; и вѣ это самое время, для насѣ роковое, лишились мы папиньки; маминька, будучи не вѣ силахѣ сама воспитывать насѣ восьмерыхѣ сыновей, пошла сѣ нами вѣ деревню и поручила насѣ своей престарѣлой матери, а нашей бабушкѣ, которая

принявЪ всѣхЪ насЪ кЪ себѣ, облегчила ея бремя. И такЪ мои братья и я оставались все у бабушки, и, БогЪ знаетЪ, какЪ весело было намЪ у нее; мы прожили тамЪ четыре года, и вЪ эти четыре года мы жили по своей волѣ. ВЪ это время маминька наша вЪ Парижѣ умерла; вскорѣ потомЪ умерла и бабушка: мы остались сироты. Двоюродная наша бабушка, меньшая сестра покойной бабушки, взяла насЪ кЪ себѣ: и мы цѣлые три года провели у нее. БратьямЪ моимЪ было по пятнадцати, по четырнадцати, по тринадцати, мнѣ было около двенадцати лѣтЪ. НаконецЪ лишились мы и этой почтенной своей

бабушки. Насъ взялъ къ себѣ дядюшка, старшїй братъ папинькинъ. Онъ долгое время странствовалъ по морямъ; — въ сїе время возвратился во Францїю: этотъ сострадательный человѣкъ окончилъ наше воспитанїе, и всѣмъ намъ, одному послѣ другаго, доставилъ состоянїе. Это мое и моихъ братьевъ воспитанїе, которое мы получили отъ родной бабушки, отъ двоюродной и отъ дядюшки, я намѣренъ нѣкогда выдать въ свѣтъ въ трехъ особливыхъ частяхъ, и каждую изъ нихъ въ двухъ томахъ. Родная бабушка разсказывала намъ волшебныя сказки; двоюродная— нравственныя безъ всякихъ

чудныхъ приключенiй: а дядюшка — такъ какъ мы были уже довольно взрослы, водилъ насъ всякое утро завтракать въ полѣ, гдѣ онъ научалъ насъ правиламъ добродѣтели, или разсказывалъ о наказанныхъ порокахъ. Сiи нравственныя правила, которыя получали мы отъ сихъ трехъ родителей, тѣмъ важнѣе, тѣмъ священнѣе становились, чѣмъ болѣе мы приходили въ лѣта.

Чтобъ сохранить весь порядокъ, я нравственное ученiе свое начну сказками родной бабушки о волшебницахъ. Я уже сказалъ, что мы составляли четыре пары близ-

нецовъ, пяти, шести, семи и осьми лѣтъ; мы были всѣ благородны и съ дарованіями, по крайней мѣрѣ намъ такъ всегда насъ описывали. Родная наша бабушка была вдова семидесяти лѣтъ, добрая поселянка во всемъ смыслѣ. Она жила вмѣстѣ съ своею сестрою, которая называлась Нанонъ, женщина, пятнадцатью годами моложе бабушки.

Мои бабушки жили въ маломъ помѣстьѣ близъ Анделиса, на арендѣ, въ деревнѣ, называемой Боссъ; у нихъ водились куры, кролики и поросята; онѣ имѣли стараго наемнаго работника съ женою, старушкою. Мы издѣвались надъ всемъ своимъ до-

помЪ; какЪ мы рѣзвились на заднемЪ дворѣ и на гумнѣ! какЪ много потерпѣли сїи мѣста отЪ осьми шалуновЪ, которые проложили себѣ туда дорогу! Бабушка моя была предобрая старушка, потому болѣе, что она бывало пожуритЪ *насЪ нѣсколько*, да и *оставитЪ*; а мы послѣ того поблагодаримЪ ее, и дай БогЪ ноги, какЪ добрыя лошадки. Только ввечеру бывали мы тихи, и *это* отЪ того, что прежде, нежели отведутЪ насЪ спать, прежде еще ужина, бабушка бывало посадитЪ насЪ всѣхЪ вокругЪ себя, и надѣвши очки, садится за свою самопрядку вмѣстѣ сЪ своею сестрою Наноною, и бы-

вало говоритъ намъ сказки, повѣсти, которыми мы тогда слишкомъ плѣнялись. Однажды, когда мы всѣ такимъ образомъ сидѣли, пробѣжала мышь по полу; отъ этого я взялъ названіе одному вечеру моей бабушки. Здѣсь предлагаю я нѣсколько такаго роду пріятныхъ сказокъ; онѣ могутъ быть наставительны и пріятны малымъ дѣтямъ, какимъ я самъ былъ тогда. Дѣти! вы, которыя будете нѣкогда людьми, обратите все свое вниманіе: я вступаю въ свою матерію и уступаю моей бабушкѣ разсказывать басни.

ВЕЧЕРА МОЕЙ БАБУШКИ.

ПЕРВОЙ ВЕЧЕРЪ.

ВВЕДѢНІЕ.

Въ семь часовъ вечера, когда бабушка моя вошла въ комнату, мы всѣ уже собрались вокругъ доброй Наноны; это было *въ началѣ весны*, въ сумерьки. Моя бабушка засвѣтила свѣчу съ страшнымъ гнѣвомъ; она своими взглядами заставила насъ дрожать. Мы всѣ молчимъ: вдругъ она пресильно закричала: кто это безъ меня отпиралъ мой шкапъ? Я выходя, крѣпко заперла его ключемъ; кому-то нибудь надобно было снять его съ кольца. Какъ бы хотѣлось мнѣ узнать? но кто- это

такъ прячется за своихъ братьевъ? Кажется, это Августъ; пожалуйка сюда, миленькой! твоя краска на лицѣ, твое прятанье, все доказываетъ, что ты виноватый!

Тутъ братъ мой Августъ подходитъ; бабушка спрашиваетъ его: *ты отворилъ мой шкапъ, что изъ орѣховаго дерева?* Ма-минька... Смотри не обманывай!-Ахъ, маминька! виноватъ, — я — За чѣмъ же ты это сдѣлалъ? — Мнѣ хотѣлось, маминька, хорошенько разсмотрѣть вашу большую серебряную цѣпочку, которую вы тамъ всегда прячете. А! а! такъ ты мой ключь бралъ? — Ваши ключи лежали на столѣ. — И это нынѣшняго

дня поутру. Да тебя тамЪ не было . . . . . Я посмотрѣлЪ только на цѣпочку, какая прекрасная! и послѣ, маминька, я заперЪ дверь, какЪ должно. Я удивляюсь, какЪ вы могли узнать . . . . — Правда, что я бы невдругЪ еще догадалась о твоей *шалости*, естьли бы *я не нашла* вЪ шкапу свидѣтеля, который открылЪ мнѣ все. — Свидѣтеля! вЪ шкаппу? — Да, дурачокЪ! ты растворивши *шкапЪ* не видалЪ, какЪ забралась туда кошка! — Кошка, маминька! — Да, такЪ, кошка. У меня стоялЪ тамЪ горшокЪ сЪ сметаной, которую берегла я вамЪ на ужинЪ; кошка пронюхала и проворно промежЪ рукЪ Авгу-

стовыхъ вскочила туда, а Августъ того не примѣтилъ. Я теперь отворила шкафъ; мнѣ надобно было кое-что тамъ взять, и нашла тамъ кошку; хватилась сметаны, а ужъ не тутъ-то было: кошка всю съѣла. Ахъ, Боже мой! вотъ забавно! Этотъ случай привелъ мнѣ на мысль сказать вамъ объ одной выучкѣ.... Садитесь, дѣти, послушайте, что я вамъ скажу. — Тутъ у всѣхъ волосы стали дыбомъ.

Бабушка беретъ свою прялицу и начинаетъ прясть; Августъ садится подлѣ насъ со стыдомъ и бабушка начинаетъ.

БЕБЕЛЛА и БЕБЕЙ,

или

СѢРАЯ МЫШКА,
СКАЗКА.

Жилъ былъ одинъ дровосѣкъ, который назывался Паколѣнь. — Такъ дѣти! Паколѣнь, это было имя его. Чему вы смѣетесь? я скажу вамъ происхожденіе этого слова. Этого человѣка собственно называли Пако; онъ былъ столько лѣнивъ еще въ своей молодости, что поселяне, товарищи его, видя, что онъ всегда зѣваетъ, ломаетъ свои руки, третъ глаза и вздыхаетъ, какъ будто отъ великой усталости, хотя работалъ только одинъ часъ — прозвали его Пако-лѣни-

вецъ, а сокращенно Паколѣнь.

Паколѣнь былъ вдовъ уже пятнадцать лѣтъ; жена его умерла отъ родовъ. Рожденная ею дочь столь была прекрасна, что назвали ее Бебеллою. Паколѣнь съ Бебеллою жилъ въ маленькой хижинѣ близъ лѣсу, и Паколѣнь, который прежде былъ такъ лѣнивъ, началъ ходить въ лѣсъ каждый день рубить дрова, а дочь его оставалась дома и приготовляла обѣдъ. Бебелла, какъ уже я сказала, была прекрасна, добра и кротка, какъ овечка; она была утѣшеніемъ своему отцу, но имѣла великую слабость быть любопытною; ахъ! слишкомъ уже любопытною. Хотя жили они и

далеко отъ деревни; однакожъ она въ скорое время узнавала все, что въ ней въ какой часъ ни происходило; она знала исторію каждой тамошней дѣвушки, словомъ, все, что было сказано, или что сдѣлано въ двухъ миляхъ. Эта слабость Бебеллы имѣла свое слѣдствіе — склонность худо о другихъ говорить. О всѣхъ она говорила по большой части съ худой стороны; и такимъ образомъ всякой вечеръ часа два она разсказывала отцу своему о всемъ, что ни узнала въ цѣлый день.

Паколѣнь, которому такія разсказы иногда бывали очень скучны, бралъ свѣчу и уходилъ въ свою комнату, чтобъ

заставить ее тѣмъ молчать. Между тѣмъ Бебелла замѣтила, что ея отецъ всегда одинъ запирался два или три раза въ день въ чуланчикъ, который пристроенъ былъ къ курятнику, и отъ этого чуланчика ключь онъ носилъ при себѣ. Въ это время отсылалъ онъ дочь свою; не велѣлъ ей туда подходить и тамъ оставался на нѣсколько времени; выходилъ оттуда съ великою осторожностію, и Бебелла, сколько разъ ни спрашивала его объ этомъ потаенномъ чуланчикѣ, никогда не получала удовлетворительнаго отвѣта.

Въ одинъ вечеръ она начала его снова уговаривать, чтобъ онъ открылъ ей эту тайну.

Паколѣнь взялъ ее за руку, вздохнулъ и сказалъ: любезная дочь! этой тайны я не могу тебѣ открыть до тѣхъ поръ, пока не будетъ тебѣ пятнадцати лѣтъ; иначе и ты и я погибнемь. Будь терпѣлива, любезная Бебелла! чрезъ шесть дней исполнится тебѣ пятнадцать лѣтъ — и ты все узнаешь. Бебелла въ досадѣ отворотилась отъ отца и легла спать; но она не спала: она думала цѣлую ночь только объ этой тайнѣ, которая отъ нея была сокрыта; и чѣмъ болѣе была она для нея непроницаема, тѣмъ сильнѣе было ея любопытство. На разсвѣтѣ она встала, въ намѣреніи искать возможныхъ средствъ

войти въ этотъ уголокъ. И такъ она рѣшилась взять у отца, когда онъ еще спалъ, всю связку ключей; она знала очень хорошо ключь, который ей болѣе всѣхъ былъ нуженъ; она думала, что побывавши въ этомъ тайномъ чуланчикѣ, успѣетъ опять положить ключь на свое мѣсто.

Паколѣнъ не имѣлъ обыкновенія ходить по утрамъ въ этотъ чуланчикъ, не сходивши напередъ въ лѣсъ; оттуда возвращался онъ въ девять часовъ къ завтраку. И такъ Паколѣнъ пошелъ на свою работу, не примѣтивъ того, что дочь подцѣпила ключи.

Ну! теперь Бебелла одна. Теперь вѣрно уже удовле-

творитъ она своему любопытству! — Такъ! она беретъ ключь и идетъ къ извѣстному, мѣсту ... между тѣмъ сердце у нее бьется сильно: она чувствуетъ, что поступокъ ея гнусенъ, и что должно ей подождать урѣченнаго времени, назназеннаго отцемъ. *Шесть* дней — времени не много; ей тогда исполнится пятнадцать лѣтъ и не будетъ уже болѣе никакой опасности; — но прежде сего времени она погубитъ себя и отца своего, естьли будетъ стараться узнать эту тайну. Это ужасно! не правда ли, дѣтушки? — вы бы подождали этихъ шести дней; вы не таковы, какъ Бебелла: она слишкомъ

нетерпѣлива, она слишкомъ любопытна; въ этомъ превзошла она всѣхъ дѣвушекъ, которыя обыкновенно всегда заражены этою страстью; она нисколько объ этомъ не думала.

Бебелла отпираетъ ключемъ замокъ, отворяетъ дверь и сперва ничего не видитъ въ этомъ чуланчикѣ, который не имѣлъ и двухъ футовъ въ длину и ширину. Потомъ, посмотрѣвши на землю, увидѣла маленькую сѣрую мышку, которая съ улыбкой смотритъ на нее. Мышка плачетъ и смѣется; это удивило Бебеллу. Но она въ величайшее изумленіе приведена была, когда мышка заговорила къ ней такъ:

— я ожидала тебя Бебелла, и я благодарю тебя за освобожденіе меня изъ этой проклятой тюрьмы, гдѣ я томилась около пятнадцати лѣтъ. Теперь прощай!

При этомъ словѣ мышка ускользнула *мимо ногъ* Бебеллы, и начала разхаживать по двору и какъ бы веселиться, вышедши на вольный воздухъ. Не правда ли, что глупа Бебелла? Она бѣжитъ въ слѣдъ за мышью и кличетъ ее: сѣрая мышка! сѣрая мышка! — Что тебѣ надобно, говоритъ ей мышь? — Сдѣлай милость, поди опять на свое мѣсто и не доведи, чтобъ батюшка меня выбранилъ, который вдругъ

узнаетъ о твоемъ побѣгѣ и о моей глупости. Мышь смѣется, не отвѣчая ей ничего, и дѣлаетъ опять свои круги по двору, а за нею гоняется Бебелла, непрестанно крича: сѣрая мышка! сѣрая мышка! поди на свое мѣсто.

Наконецъ мышь остановилась, и свирѣпо взглянувъ на нее, говоритъ: ты требуешь отъ меня невозможнаго; одно только могу я теперь для тебя сдѣлать — я вездѣ буду за тобою ходить. — Погодижь, злодѣйка! говоритъ ей въ отчаяніи Бебелла, вотъ нашъ котъ идетъ, я тебя затравлю имъ! Минетъ! Минетъ! Минетъ, бѣжитъ къ своей госпожѣ, увидѣлъ мышь и бросился на

нее съ разинутою пастью. Но въ это самое мгновеніе Минетъ превратился въ большую черную скверную жабу, началъ прыгать по заднему двору и страшно квакать.

Устрашенная симъ Бебелла залилась слезами; но раскаяваться уже поздно: погрѣшность сдѣлана, и отецъ ея, который въ это время шелъ уже домой, заплатитъ ей хорошенько.

Бебелла, желая, сколько можно, воспользоваться остальнымъ временемъ, затворяетъ поспѣшно дверь этаго чуланчика и уходитъ въ свою комнату. Проклятая мышка бѣжитъ за нею, такъ какъ и обѣ-

щала она ей, не отставать отъ нее; она въ комнатѣ — смотритъ на Бебеллу и, кажется, смѣется ея скукѣ. Напрасно Бебелла гоняется за нею, чтобъ ее поймать; мышка бѣгаетъ вокругъ нее съ извѣстною своею легкостію.

Бебелла бросаетъ на нее горшокъ воды, которая превращается въ самую лучшую сметану, и мышка изволитъ ее кушать. Бебелла въ ярости беретъ метлу, чтобъ ее убить; но ручка у метлы превращается въ рукахъ ея въ раскаленное желѣзо, которое она принуждена выбросить за окошко, чтобъ не ожечься.

Наконецъ ударило девять часовъ, и сердечко у Бебеллы

забилось сильнѣе обыкновеннаго. Мышка! говоритъ она проклятому звѣрку, я ожидаю батюшки, поди прочь! — Нѣтъ! — Мышка! батюшка на дворѣ, спрячься. — Не хочу! Мышька! батюшка идетъ въ комнату, бѣги въ полѣ. — Нѣтъ, нѣтъ, не хочу! — По крайней мѣрѣ спрячься за меня, чтобъ онъ, какъ взойдетъ въ комнату, не увидалъ тебя. — Очень хорошо, на это я согласна.

Входитъ Паколѣнь. Дочь! говоритъ онъ, кто это вылилъ тамъ все молоко на полъ? Батюшка, у меня развалилась крынка и . . . . . Эко - горе! дай же мнѣ метлу я замету? — Батюшка! метла никуда

не годилась, я ее сожгла. Ну, такъ принеси сюда кота, пусть онъ поѣстъ? — Котъ побѣжалъ за сосѣднею кошкою; я не знаю, что съ нимъ сдѣлалось. Ахъ, негодница! ты упустила Минета! какъ онъ хорошо ловилъ мышей! Ахъ, батюшка! ничего не бывало; какъ вы объ немъ думаете!

Паколѣнь, жалѣя о Минетѣ ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, и Бебелла все ходитъ за нимъ, боясь, чтобъ онъ не примѣтилъ мышки, которая по пятамъ почти у нее прыгаетъ. Бебелла подоломъ своей юбки толкаетъ ее, чтобъ она пряталась далѣе и не высовывалась. Что это значитъ, закричалъ Паколѣнь, посмотрѣвши

на свои ключи? Гдѣ маленькой ключикъ, который тутъ висѣлъ? Вотъ онъ, батюшка! онъ, видно, какъ нибудь спалъ съ кольца. Паколѣнь беретъ ключъ и смотритъ пристально на дочь свою, которая вся дрожитъ и не имѣетъ силъ открыться ему въ своемъ проступкѣ. *Паколѣнь отворяетъ* чуланчикъ, и не находя тамъ болѣе своей плѣнницы, возвращается оттуда съ великимъ крикомъ.

Бебелла бросается къ ногамъ его, заливаясь слезами; тутъ Паколѣнь увидѣлъ мышку и закричалъ: нещастное дитя! что ты сдѣлала? знаешь ли ты, что ты доставила свободу жесточайшему своему вра-

гу? Теперь ты и я должны повиноваться ея власти! Что вы говорите, батюшка? какъ! эта мышка ... — Послушай.

Мать твоя при рожденіи твоемъ мучилась столько, столько, столько, что доходила уже до отчаянія. Я, чтобъ не быть свидѣтелемъ послѣдняго ея вздоха, побѣжалъ, какъ бѣшеной, въ лѣсъ. Тамъ увидѣлъ я спокойно спящаго какого-то человѣка, а возлѣ него змѣю, которая хотѣла его во время сна ужалить. Я подошелъ и топоромъ своимъ изрубилъ ее на тысячу частей. Неизвѣстный пробуждается, видитъ мое дѣйствіе и благодаритъ меня за то, что я спасъ его жизнь. Добродѣтель-

ный дровосѣкъ, говоритъ онъ, чѣмъ я могу благодарить тебя? Я въ своемъ околодкѣ волшебникъ; но знай, что мнѣ можно исполнить одно только какое нибудь твое желаніе, а небольше. Выбирай любое: хочешь ли богатства? хочешь ли ты жить тысячу лѣтъ? или тебѣ *хочется* занимать знатный постъ въ государствѣ, имѣть у себя великолѣпный замокъ и быть владѣльцемъ? — Нѣтъ, сказалъ я; спаси мою жену и дочь. Объ этомъ я тебя прошу.

Волшебникъ обѣщалъ мнѣ тѣмъ служить; онъ пошелъ ко мнѣ; пришли мы домой, но бѣдная жена моя только-что передъ нами скончалась. Вол-

шебникъ мой, не могши уже возвратить ей жизни, взялъ на руки дитя — тебя, глупая Бебелла. Я даю, сказалъ онъ, въ приданое этому дитяти красоту, умъ и тысячу совершенствъ. Въ пятнадцать лѣтъ она выйдетъ за великаго человѣка. — Очень хорошо, прервалъ рѣчь его маленькой голосокъ, пусть будетъ такъ, но съ тѣмъ только, естьли до сего сроку не сдѣлаетъ она трехъ погрѣшностей, до чего доведетъ ее излишнее ея любопытство, которымъ я съ своей стороны надѣляю ее.

Мы смотримъ вокругъ себя, волшебникъ и я, и не видя никого, ищемъ, кто бы произнесъ сіи слова. — Посреди комнаты

увидѣли мы эту маленькую мышку, которая свирѣпо на насъ глядѣла. Ахъ, мы пропали, сказалъ мнѣ тихонько волшебникъ! Это волшебница Кентиса, которая въ совѣтѣ духовъ осуждена на тысячу лѣтъ быть мышью за то, что она сожгла шесть тысячь городовъ и деревень по своей жестокой злости Это смертельный мой врагъ! Здѣсь она мститъ вамъ за то, что вы убили ея любимую змѣю, которую она послала умертвить меня. Я не могу сдѣлать, чтобъ не сбылось ея предсказаніе; но естьли вы можете запереть ее въ какой уголокъ и держать въ заперти до тѣхъ поръ, пока дочери вашей

не исполнится пятнадцати лѣтъ: то я отвѣчаю за все; по крайней мѣрѣ она не будетъ въ состояніи ей вредить. — Очень хорошо. Но какъ ее поймать? она чрезвычайно проворна! — Погодите, я найду средство. Хотя она и волшебница, однакожъ имѣетъ всѣ слабости, сродныя тому звѣрю, въ какого она превращена: она бросится на ветчину. Есть ли у васъ? — Вотъ кусокъ. — Положите его на дворѣ возлѣ курятника. Она за вами побѣжитъ туда; и какъ скоро вкуситъ этой ветчины, такъ скоро уже и поймана. Сказано и сдѣлано; мышка побѣжала за мною; и лишь только запустила она зубъ въ ветчину, то

я увидѣлъ, что вдругъ поднялось вокругъ нея маленькое строенье, которое и теперь еще существуетъ, гдѣ она и содержалась какъ плѣнница. Волшебникъ оставилъ мнѣ и ключь. Смотрите же, сказалъ онъ, этотъ ключь будетъ имѣть свою силу, будетъ *талисманомъ только для тебя* одного. Когда онъ будетъ въ вашихъ рукахъ, то не выпуститъ Кентисы, хотя вы и дверь растворите: но какъ скоро кто другой взойдетъ туда, тогда мышка убѣжитъ, и естьли это случится прежде, нежели дочери вашей исполнится пятнадцать лѣтъ, то я не отвѣчаю болѣе ни за нее, ни за васъ. Тогда вы будете

во власти злой феи - . . . По крайней мѣрѣ Бебелла не остережется отъ трехъ погрѣшностей чрезъ свое любопытство.

При сихъ словахъ волшебникъ скрылся — и я началъ тебя воспитывать, любезная моя дочь! Я очень много опасался, чтобы одна слабость, какую сообщила тебѣ волшебница Кентиса не лишила тебя всѣхъ хорошихъ качествъ, какими обязана ты доброму моему волшебнику: и это меня устрашало. Я старался скрывать отъ тебя тайну этаго чуланчика; самъ ходилъ я туда всякой день три раза давать корму злому звѣрку. Богъ знаетъ! сколько нелѣпо-

стей говорила мнѣ эта мышка, когда отворялъ я дверь. Но я почиталъ все за вздоръ; я думалъ уже наконецъ съ удовольствіемъ, что черезъ шесть дней я открою тебѣ этотъ секретъ и ты не должна будешь ничего опасаться; какъ вдругъ твое нетерпѣніе, твоя опрометчивость разрушила весь мой планъ, всѣ мои надежды. Мышка на волѣ, и мы теперь въ ея власти; и какая бы участь меня ни ожидала, я объ этомъ не думаю; я плачу, я опасаюсь всего для тебя. По крайнѣй мѣрѣ теперь послушайся ты меня, дочь моя! уже ты сдѣлала одну изъ тѣхъ трехъ погрѣшностей, которыя должны тебя совер-

шенно погубить. Постарайся избѣгнуть остальныхъ двухъ въ эти только шесть дней. Это недолго. Воздержись отъ всякаго любопытства; не отними у меня надежды видѣть тебя въ щастіи.

Такъ говорилъ Паколѣнь, и сѣрая мышка, выслушавъ сіи его слова, сказала: говори, что тебѣ угодно; но время отмстить тебѣ за смерть любезной моей змѣи. Ты на этомъ мѣстѣ будешь стоять неподвижно до тѣхъ поръ, пока дочь твоя не увидитъ своей участи. Чтожъ касается до нея, то она теперь еще не подчинена мнѣ. Я вездѣ буду за нею ходить, пока сдѣлаетъ

она другія двѣ погрѣшности. Послѣ чего она совершенно будетъ въ моей власти. Я веду ее. Прощай. —

Паколѣнь въ бѣшенствѣ отъ похищенія у него дочери бросается съ палкою, которая была въ рукѣ его, на злаго звѣрка. Мышка коснулась ноги *его своею лапкою* и Паколѣнь вдругъ сдѣлался недвижимъ и превратился въ камень, сохраняя такое точно положеніе, какъ будто хочетъ кого ударить.

Бебелла ужасно закричала. Вдругъ комната наполнилась огнемъ и дымомъ. Бебелла, чтобъ не задохнуться выбѣжала оттуда на дворъ. Тутъ чрезвычайно удивилась она,

не видя болѣе маленькаго того чуланчика, въ которомъ заперта была волшебница Кентиса. Онъ исчезъ. За нею вездѣ ходитъ дымъ; Бебелла пошла на поле, сама не зная куда.

Наступилъ вечеръ. Она все идетъ впередъ, не оглядываясь назадъ; наконецъ *пришла* въ густой лѣсъ. Ночь и усталость принудили ее сѣсть. Она бросилась на бугорокъ подъ дерево. Тамъ увидѣла она два глаза, сверкающіе какъ *изумруды*, и къ умноженію своей горести узнала, что это были глаза сѣрой мышки, которая ни на шагъ не отставала отъ нее. Проклятая! сказала ей Бебелла, поди отъ меня прочь.

Оставь меня одну въ моей печали.

Мышка не говоритъ ей ни слова. Ты бѣгаешь за мною, говорила ей Бебелла, съ тѣмъ, чтобъ ввести меня въ двѣ послѣднія погрѣшности; но клянусь тебѣ, что я ускользну отъ твоихъ сѣтей, и что скорѣе засохнетъ во рту у меня языкъ, нежели чтобъ сдѣлалась я преступною чрезъ свое любопытство, погубившее меня въ нынѣшнее утро.

Мышка все молчитъ, и Бебелла, изнуренная своею скорьбію и усталостью, заснула глубокимъ сномъ.

Въ полночь она пробуждается, чувствуетъ, что кто-то тихонько тащитъ ее за рукавъ.

Открываетъ глаза, которые мгновенно поражены были свѣтомъ тысячи факеловъ. Она смотритъ и видитъ великую толпу конныхъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ на рукѣ маленькой огонекъ, точно какъ звѣздочьку, только ярчѣе. Чепраки на лошадяхъ всѣ въ золотѣ и въ камняхъ. Благовоніе разлилось по воздуху; но взглядъ одного прекраснаго молодаго человѣка подѣйствовалъ болѣе всего на Бебеллу, болѣе всего восхитилъ ее; онъ сидѣлъ возлѣ нее и держалъ за руку. Бѣлые его волосы были пріятно разбросаны; за плечами колчанъ; его можно было почесть Амуромъ. Не бойтесь ничего, сказалъ онъ Бебеллѣ, примѣтив-

ши ея изумленіе, меня зовутъ Бебеемъ. Я въ нынѣшнюю ночь пріѣхалъ въ лѣсъ за охотой; но увидѣвши спящую младую красоту перемѣнилъ свой планъ; во мнѣ измѣнилось мое сердце. Взойдите въ мой домъ, вы будете божество мое; я за счастіе почту служить вамъ. Бебелла въ нерѣшимости. Но милыя черты прекраснаго Бебея, (онъ на нее снова взглянулъ) убѣдили ее. Она встаетъ, и къ большему удовольствію, не примѣчаетъ болѣе вокругъ себя мышки; съ скромностію соглашается на предложеніе неизвѣстнаго красавца и пошла съ нимъ. Бебей коснулся каштана, упавшаго съ дерева, и этотъ каштанъ представил-

ся торжественною колесницею, блистающею золотомъ и лазурью. Въ нее сѣла Пакольнева дочь. Прекрасно, сказала она про себя; это вѣрно волшебникъ! Можетъ быть, онъ избавитъ меня отъ злой волшебницы, которая гоняется за мной.

Вдругъ колесница ея, сопровождаемая Бебеемъ, который ѣхалъ на верьховой лошади, со всею его свитою, остановилась у великолѣпныхъ палатъ, гдѣ многимъ женщинамъ велѣно услуживать Бебеллѣ. Тутъ представленъ ей былъ великолѣпный ужинъ, въ продолженіи котораго играла музыка; хозяинъ этаго дому, прелестный Бебей, сидѣлъ возлѣ нее,

изъявлялъ ей все свое усердіе, уваженіе и любовь. Бебелла не говорила ни слова: ее восхищала такая перемѣна ея состоянія; она надѣялась вѣчно пользоваться этимъ счастіемъ. Послѣ ужина положили ее на постель изъ тонкой кисеи, обложенной кружевами и золотою бахрамою. Она спала до восхожденія солнца. Проснувшись, увидѣла въ двухъ шагахъ отъ своей постели прекраснаго Бебея; онъ ожидалъ ея приказаній. Любезный Бебей, сказала она ему, за что удостоилась я такого участія съ вашей стороны?

Милый, нѣжный другъ души моей! Волшебница мнѣ предсказала, что я найду въ лѣсу

женщину, которой назначено быть моей супругою, однакожъ не прежде это случится, какъ когда ударитъ три часа, когда воробей трижды прокричитъ. И по этому-то я всегда ѣздилъ на охоту ночью. Имѣя особливую силу, которую сообщила мнѣ волшебница, я освѣщалъ лѣсъ такъ, какъ будто бы день былъ: это для меня ничего не стоило. Въ нынѣшнюю ночь въ ближней деревни ударило три часа; воробей трижды пропѣлъ, и я нашелъ васъ спящую. И могу ли я обманываться въ васъ и въ моей участи....

Бебей продолжалъ, между тѣмъ какъ отворилась дверь. Вдругъ являются трое слу-

жителей. Они ловили сѣрую мышку, которая спряталась подъ кровать Бебеллы. Проклятый звѣрь! закричали они, всю ночь бѣгали мы за нею по комнатамъ, и никакъ не могли поймать.

Бебелла поблѣднѣла, узнавъ смертнаго своего врага. Бебей, *примѣтивши* ея замѣшательство, спросилъ о причинѣ. Она просила его всѣхъ выслать и послѣ того разсказала всю исторію волшебницы Кентисы. Бебей смѣется. Не бойтесь ничего, сударыня; пока вы здѣсь, то я даю вамъ честное слово, что она не въ состояніи вамъ вредить.

Бебей хотѣлъ выгнать вонъ мышку; но онъ уже не нашелъ

ее, и послѣ этаго безъ дальней осторожности въ разсужденіи сего приключенія вышелъ изъ комнаты, чтобъ дать время одѣться своей любезной Бебеллѣ.

Бебелла убравшись во всѣ наряды, которые принесли ей служанки, пошла въ садъ, гдѣ и имѣла свиданіе съ своимъ любезнымъ другомъ. Бебей показывалъ ей всѣ любопытныя мѣста въ своемъ замкѣ, и когда вездѣ обходили, онъ показалъ ей одно мѣсто: вотъ, говоритъ онъ, въ эту оранжерею только я одинъ хожу; въ ней хранится драгоцѣннѣйшее мое сокровище. Извините меня, естьли я теперь не покажу вамъ его. Когда удостоюсь я

видѣть васъ своею супругою, тогда вы узнаете обо всемъ, и я надѣюсь, что и вы неменѣе будете стараться о сбереженіи этаго сокровища, какъ и я.

При сихъ словахъ Бебелла сдѣлалась снова любопытною и просила, чтобъ онъ позволилъ ей войти туда одной. Находясь въ своей комнатѣ, она думала, о какомъ сокровищѣ говорилъ ей ея любезный другъ? — Драгоцѣнное сокровище! и его никому не кажутъ! и его посѣщаетъ только одинъ Бебей! Не талисманъ ли тамъ какой нибудь, помощію котораго Бебелла можетъ истребить чародѣйство, отъ котораго страдаетъ мой отецъ? Желаніе, возвратить отцу сво-

ему чувство, было первою побудительною причиною ея любопытства; она не думаетъ уже болѣе о предсказаніяхъ, ей угрожаемыхъ, и не довольствуясь разсматриваніемъ ни прекрасныхъ зеркальныхъ комнатъ замка, ни драгоцѣнныхъ золотыхъ и изумрудныхъ сосудовъ; забывъ *всѣ богатства* сего владѣльца, она предается одному желанію посмотрѣть то, что отъ нее сокрыто.

Между тѣмъ явилась предъ нею сѣрая мышка. Увидѣвши ее она вспомнила о тѣхъ опасностяхъ, какимъ подвергается она чрезъ свое любопытство. Она цѣлой день старалась какъ нибудь потушить

въ себѣ эту страсть; сдѣлалась скучна, задумчива, ничто ее не веселитъ, ничто не занимаетъ, ни концерты, ни праздники: какія тамъ даваны были для нее, ни самыя уже сладостные разговоры съ милымъ, любезнымъ Бебемъ, которому жертвовала она всею *своею любовью.*

Настала ночь. Она безпрестанно томится въ душѣ своей; думаетъ только объ одной таинственной оранжереѣ; думаетъ, что тамъ хранится талисманъ, помощію котораго можетъ отецъ ея избавиться отъ злаго волшебства. Наконецъ на разсвѣтѣ выходитъ она въ легкомъ платьѣ, прохаживается около этой оран-

жерей у предмета своего любопытства. Дорогой занавѣсъ, сотканный изъ шелку съ золотомъ, составлялъ всѣ затворы. Бебелла примѣтила, что занавѣсъ разодранъ, и что легко можно пройти сквозь него; она просовываетъ туда сперва свою голову, потомъ руку и другую, и ноги, наконецъ и вся тамъ очутилась. Тамъ ничего болѣе она не видитъ, кромѣ цвѣтовъ и кустарниковъ. Въ срединѣ стоитъ высокое гранатовое дерево, на вершинѣ котораго висѣло гранатовое яблоко величиною въ два кулака. Прекрасный плодъ! сказала Бебелла; какъ долженъ онъ быть вкусенъ! Право, Бебей, этотъ Бебей,

который осыпалъ меня дарами, не осердится на меня, хотя я и съѣмъ это яблоко.

Сказавъ, срываетъ съ дерева этотъ плодъ, прячетъ его подъ платье, выходитъ изъ оранжереи и, увидѣвши отворенную калитку въ полѣ, вышла изъ нее и начала ѣсть свой гранатъ, не зная съ чѣмъ сравнить пріятный его вкусъ. Только-что она его съѣла, вдругъ позади ея раздался страшный шумъ. Она оглянулась и — Боже мой! что она увидѣла? гордый замокъ, изъ котораго она вышла недавно, въ глазахъ ея исчезъ. На его мѣстѣ видитъ она маленькую хижину, изъ которой выходитъ безобразный и бѣдно одѣтый

человѣкъ. Между тѣмъ, какъ этотъ человѣкъ бѣжитъ къ Бебеллѣ, которая отъ ужаса стоитъ неподвижна, появилась у ногъ ея сѣрая мышка, и говоритъ: браво, Бебелла! вотъ и другая погрѣшность. Скоро поспѣетъ и третья. Я нарочно отгрызла всѣ петельки у занавѣса, *который закрываетъ* входъ въ оранжерею, съ тѣмъ, чтобъ тебѣ можно было туда войти.

Неизвѣстный подходитъ къ Бебеллѣ. Жестокая, говоритъ онъ, узнаешь ли ты теперь несчастнаго Бебея въ теперешнемъ его положеніи? Невѣрная! я принялъ тебя съ такимъ отличіемъ, а ты сѣла драгоцѣннѣйшій мой гранатъ,

который подарила мнѣ одна фея съ обѣщаніемъ, сдѣлать меня красивымъ, богатымъ и могущественнымъ. Всякое утро я раскрывалъ этотъ прекрасный плодъ, и одно его ядрушко доставляло мнѣ все, чего бы я ни захотѣлъ. Преступная Бебелла! поди, бѣги за своею *мерзкою мышкою*, которая вовлекла тебя въ такое состояніе. Съ этаго времени я навсегда оставляю тебя.

Бѣдная Бебелла плачетъ, стонетъ, рветъ на себѣ волосы и тщетно призываетъ своего Бебея, который кричитъ ей издали: естьли остережешся отъ третей погрѣшности, то увидишся со мною.

Бебелла, пораженная скорбію, пошла все прямою дорогою въ полѣ, и къ величайшей горести видитъ бѣгущую за собою мышку, какъ маленькую собачку. Напрасно не переставая повторяетъ она ей: сѣрая мышка! ты меня погубила!

Мышка вмѣсто отвѣта въ заходы смѣется *и* скачетъ антраша. Наконецъ томимая усталостію и печалью Бебелла заходитъ въ самый полдень къ одному поселянину, который занимался обработываніемъ винограда — съ тѣмъ, чтобы попросить у него стакана воды. Онъ увидѣвши, что за нею бѣжитъ мышь, гонитъ ее прочь, не давши ни сколько испить. Она идетъ по деревнѣ;

всѣ ей смѣются; одинъ кричитъ: эй! смотрите, идетъ благородная дама съ своимъ маленькимъ лакеемъ. — Нѣтъ, говоритъ другой, это ея муфта, которую она въ городѣ носитъ на рукахъ; третій кричитъ: кошку! кошку! несите сюда мышеловку!

Испытавъ столько огорченій въ три дни бозпрерывнаго своего пути, ввечеру легла на полѣ, обратившись лицемъ къ небу, которое она столько умоляла. Тутъ нѣсколько утѣшено было ея отчаяніе, когда увидѣла она проходящую мимо ея женщину съ тяжелою ношею. Бебелла замѣтила, что какъ скоро поровнялась съ нею эта женщина, сѣрая

мышка исчезла. Это происшествіе она почла щастливымЪ для себя предзнаменованіемЪ; она думала, — можетЪ быть, Бебей, или бывшій при ея рожденіи волшебникЪ, сжалились надЪ нею: матушка, говоритЪ Бебелла женщинѣ, я умираю сЪ голоду, отЪ жажды и усталости. АхЪ! Боже мой, дитя мое! отвѣчаетЪ ей старушка, подожди меня здѣсь минуту: я сей часЪ принесу тебѣ воды изЪ ручейка, который течетЪ тутЪ вЪ четырехЪ саженяхЪ.

Добрая старушка, чтобы легче ей бѣжать, оставила возлѣ Бебеллы ношу свою и скрылась. Эта ноша была увязана: что тамЪ было спрятано?

Бебелла нимало не думая, что такое любопытство для нея очень невыгодно, посмотрѣла на связку. Старушка, возвращаясь къ ней, кричитъ: ахъ, Боже мой! какъ это оставила я съ тобою свой ларчикъ: естьли только посмотрѣла ты на него, то мы съ тобою обѣ *пропали.* Да чтожъ тутъ такое въ этомъ ларчикѣ? — Тутъ, милая моя, есть что-то въ стеклѣ, сквозь его все видно; но говорятъ, естьли кто по своему легкомыслію посмотритъ въ него, вдругъ ослѣпнетъ; столько ослѣпительны скрытые тутъ драгоцѣнные камни! Ты съ своими прекрасными глазами лишилась бы чрезвычайно многаго невозвра-

тно. Обѣщайся мнѣ, что не будешь ничего любопытствовать. Естьли обѣщаешься, то, какъ ноша эта чрезвычайно тяжела, я бы оставила ее при тебѣ; а сама поскорѣе пошла бы къ себѣ домой взять тебѣ чего нибудь поѣсть. — Клянусь вамъ, что ни до чего не дотронусь. Ну такъ *хорошо*. Подожди меня, я скоро ворочусь къ тебѣ, и тогда ужъ возьму эту связку; ее надобно будетъ *отнесть* къ одному славному волшебнику, который живетъ отсюда верстахъ въ пяти.

Старушка пошла. Тутъ проклятое любопытство опять въ Бебеллѣ загорѣлось. — Въ этой связкѣ камни, ослѣпляю-

щіе глаза! какЪ это должно быть любопытно! . . . Между тѣмЪ пришло ей на мысль о третьей погрѣшности, которою ей угрожали — и долго противилась своей страсти. МожетЪ быть, она легко бы поколебалась и сдѣлала покушеніе: но тутЪ явилась сѣрая *мышка*. Увидѣвши ее, Бебелла вооружилась всею своею твердостію, какую только имѣла. Злая мышка бросилась было грызть покрышку, чтобЪ открыть хотя маленькой уголокЪ и заманить Бебеллу посмотрѣть вЪ него. Но Бебелла, положивши ближе кЪ себѣ драгоцѣнный залогЪ, закричала на нее: бѣда тебѣ! Подойди только ко мнѣ, сей

же часъ тебя схвачу и отверну тебѣ голову, какъ какому нибудь цыпленку.

Мышка не смѣетъ подойти. Между тѣмъ ночь начинала уже покрывать своею мантіею поля; но старушка къ Бебеллѣ не возвращается. Уже царствуетъ повсюду мракъ. Бебелла видитъ сквозь всѣ закрышки этой ноши, что ларчикъ блистаетъ столь сильнымъ свѣтомъ, что все вокругъ ее освѣщено стало. Но она чувствовала, что это живой обманъ; и такъ не смотря ни на какія уловки сѣрой мышки, ничего не тронула, не любопытствовала до самаго разсвѣта. Тутъ, слышитъ она

— ударило четыре часа, и вдругЪ сѣрая мышка подходитЪ кЪ ней на заднихЪ лапкахЪ и говоритЪ: Бебелла это ударилЪ часЪ твоего рожденія. Теперь исполнилось тебѣ пятнадцать лѣтЪ. Мнѣ не удалось довести тебя до третей погрѣшности, послѣ которой ты бы вѣчно осталась вЪ моемЪ повелѣніи. Теперь ты сверьхЪ моей воли свободна и щастлива. Раскрой этотЪ таинственный ларчикЪ. Теперь можешь ты безопасно смотрѣть на него. — Что касается до меня, то я пойду искать себѣ другой жертвы. Мнѣ остается бродить по свѣту мышью еще девять сотЪ лѣтЪ. Прощай!

Мышка, выговоривъ сіи слова, скрылась въ долинѣ. Бебелла восхищалась тѣмъ, что могла побѣдить всѣ ея искушенія; и потому все еще не смѣла положиться на ея слова, чтобъ раскрыть ларчикъ. Между тѣмъ коршунъ, летая въ воздухѣ, выпустилъ изъ когтей своихъ камень, который и упалъ прямо на этотъ чудесный ларчикъ; покрышка съ него спала и онъ разломился. Вдругъ потомъ вылетаетъ оттуда чижичекъ и говоритъ Бебеллѣ: ударьте, сударыня, ногою въ землю!

Бебелла ударила, и выросло прекрасное Сеннетное дерево. Тутъ вырывается изъ ларчика воробей и говоритъ Бебеллѣ: возьмите, сударыня, это

деревцо, и ударьте имъ въ синій камушекъ, который видите вы возлѣ себя!

Лишь только ударила Бебелла въ синій камень, какъ вдругъ онъ превратился въ гордую крылатую колесницу. Вырвалась изъ ларчика обезьяна. Она держитъ шесть жуковъ, которыхъ прилѣпила къ колесницѣ и сказала: ударьте, сударыня, по этимъ жукамъ! Бебелла ударила, и шесть жуковъ превратились въ шесть быстрыхъ орловъ, составившихъ прекрасный цугъ.

Наконецъ изъ ларчика выходитъ попугай, держа зажженный факелъ, и говоритъ Бебеллѣ: выдерните, сударыня!

у меня изъ головы седьмое, щитая отъ праваго уха, сѣрое перо. Бебелла вырываетъ перо, и попугай становится богато одѣтымъ кучеромъ, и не говоря ни слова, беретъ Бебеллу за руку и сажаетъ въ колесницу. Воздушная колесница летитъ со скоростію молніи, и Бебелла перенесена въ прекрасныя палаты своего любезнаго Бебея. Въ этотъ же самой мигъ явилась въ воздухѣ другая колесница, изъ которой выходятъ двѣ особы. Это былъ волшебникъ, другъ Паколѣневъ, избавившій его отъ волшебства. Онъ привезъ Паколѣня къ дочери.

Бебелла, говоритъ волшебникъ, вотъ мой сынъ Бебей!

пусть будетъ онъ твоимъ супругомъ. Волшебница кентиса лишила было меня всѣхъ правъ на него: но я нашелъ другую волшебницу, которая дала моему сыну гранатъ — даръ своего волшебства, который могъ бы до тѣхъ поръ имѣть свою силу, пока уснувшая въ его лѣсахъ женщина, давъ ему свою руку, не возвратитъ вмѣстѣ и всѣхъ правъ его рожденія. Я не думалъ, что бы ты жадничала гранатоваго яблока, столь драгоцѣннаго; но наконецъ ты удержавшись отъ третей погрѣшности, къ которой поощряла тебя сѣрая мышка; (услужливая старушка и стеклянной ларчикъ, все это была работа мышки, и естьли

бы ты посмотрѣла на этотъ талисманъ, то сдѣлалась бы черною и косматою, какъ толстая синѣль); удержавшись, говорю, отъ погрѣшности, ограничивъ свое любопытство, ты возвратила и свои права и права моего сына, коему суждено быть твоимъ супругомъ. И такъ научись, дочь моя, изъ собственнаго опыта, что стараться высматривать то, чего не позволяютъ, стараться узнавать секреты, не касающіеся до насъ, есть слабость, столько же вредная тому глупцу, который преданъ ей, какъ и тѣмъ людямъ, которые его презираютъ.

Такъ говорилъ, любезныя дѣти! добродушный волшебникъ.

Послѣ этаго сдѣлали праздникъ, сыграли свадьбу Бебея съ Бебеллою. Праздникъ продолжался цѣлые десять дней. На свадьбѣ были всѣ волшебницы; онѣ радовались тому, что сестра ихъ Кентиса, сѣрая мышка, не успѣла въ своемъ зломъ предпріятіи.

ВТОРЫЙ ВЕЧЕРЪ.

Здѣсь ли Якимъ, спросила моя бабушка, взошедши въ свою комнату? Якимъ подходитъ. Она спрашиваетъ у него, смоталъ ли онъ тотъ мотокъ шелку, который дала ему поутру? — Якимъ съ боязнію подаетъ ей маленькой клубокъ, который весь въ узлахъ, такъ что не льзя найти ни одной нитки, которую бы можно было вдѣть въ иглу. — Что ты, Якимушка! это надѣлалъ, говоритъ ему бабушка, ты испортилъ мнѣ весь шолкъ. — Бабушка, я никакъ не могъ распутать. — Ба, такъ ты вздумалъ все порвать, все позапутать, а нѣтъ того, что

бы съ осторожностью помаленьку разобрать его порядочно. Вотъ теперь и бросай весь шелкъ! естьлибъ я это знала, я бы никогда не сдѣлала тебѣ этаго препорученія! — Смотрите, что значитъ быть слишкомъ скорымъ, опрометчивымъ и нетерпѣливымъ! *Вотъ, дѣтушки!* въ свѣтѣ все получается чрезъ терпѣніе. Вѣтреные, непостоянные, которые не умѣютъ ни за что хорошенько приняться и долго продолжать начатаго, никогда ничего не получаютъ. Послушайте, что случилось съ однимъ прекраснымъ мальчикомъ, которому дано уже было больше дѣла, нежели какъ перематывать шелкъ.

МАЛЕНЬКОЙ КАРНАВАЛЪ,

СКАЗКА.

Была одна поселянка, подобная мнѣ, но только не такъ старая, какъ я; потому что у нее были свои дѣти, а не внучата. Эта добрая женщина, которую называли Мербоною, (въ самомъ дѣлѣ она была рѣдкой доброты), торговала молокомъ и яйцами. Жила она въ деревенькѣ, которая лежала у подошвы высокихъ горъ; жила спокойно одна съ тремя сыновьями: Брискетомъ, Патенемъ и маленькимъ Карнаваломъ; онъ былъ изъ нихъ послѣдній, мальчикъ любезный, острый, съ дарованіями, хотя еще было ему только девять лѣтъ. Однажды

Мербона сдѣлалась отчаянно больна. Сосѣди и знакомки ея оставили ее одну въ сей хижинѣ, боясь быть свидѣтелями ея смерти. При ней оставались только трое ея сыновей; они такъ плакали, такъ рыдали, что могли бы тронуть и каменное сердце. То подходятъ къ умирающей, то отъ нея идутъ къ окошку, бьютъ себя въ грудь, рвутъ на себѣ волосы, становятся на колѣни и просятъ Бога, чтобъ возвратилъ имъ любезную маминьку. Братцы! сказалъ Брискетъ; естьли бы пришла къ намъ какая нибудь благодѣтельная фея доставить маминькѣ здоровье, какова на примѣръ, Мирмидона, о кото-

рой столько говорятЪ вЪ нашей сторонѣ, которая по увѣренію многихЪ, столь добра, что стоитЪ только произнесть ея имя, вЪ какомЪ бы несчастіи кто ни былЪ. Естьли бы зналЪ я, что она придетЪ; Боже мой! я бы изо всѣхЪ силЪ кричалЪ: фея Мирмидона! фея Мирмидона! приди кЪ намЪ, приди, умились надЪ слезами трехЪ бѣдныхЪ малютокЪ, которыя лишаются своей маминьки.

Лишь только БрискетЪ пересталЪ такимЪ образомЪ кричать, какЪ вдругЪ раздался необыкновенный шумЪ вЪ каминѣ. ВсѢ трое Мербонины дѣти оборачиваются кЪ нему, и видятЪ выходящую оттуда

маленькую женщину, вышиною съ ножку стула, которая была вся разряжена, какъ Китайская кукла. Она шла на двухъ клюкахъ, и, что было всего удивительнѣе въ ея одѣяніи, она имѣла при боку кортикъ, какъ человѣкъ военный. Что, дѣти! говоритъ эта кукла, *что вамъ угодно? на что я вамъ?* — Ахъ Боже! кто вы, сударыня? — Я фея Мирмидона, которую вы призывали. — О прекрасно! естьли вы та благодѣтельная фея, о которой столько говорятъ, постарайтесь намъ возвратить маминьку: вотъ она здѣсь на постели, посмотрите! Она умираетъ. Естьли она умретъ, то и мы умремъ; потому, что

мы любимъ ее отъ всего сердца — Любезныя дѣти! говоритъ фея, качая головою, эта женщина очень опасно больна. О! нѣтъ, не выздоровѣть; ей ей невозможно прожить болѣе четверти часа. — Четверти часа! ахъ! ахъ! ахъ! Малютки плачутъ и добрая фея старается ихъ утѣшать. Послушайте, говоритъ она имъ, послушайте, друзья мои! я здѣсь вижу дѣло Ракеты, злѣйшей изъ всѣхъ волшебницъ. Ваша мать, можетъ быть, худо объ ней говорила; за то она теперь мститъ ей гробомъ Я знаю средство разрушить ея талисманъ; но не надобно робѣть, и только одинъ изъ васъ можетъ довести все дѣло до

конца. — Скажите, фея Мирмидона! что намъ должно дѣлать? Мы всѣ готовы умереть, только бы спасти жизнь маминьки. — Хорошо, хорошо, дѣти! я скажу, что вамъ надобно дѣлать. На вершинѣ этой дикой горы, которую видите вы отсюда, есть трава, извѣстная по своимъ листьямъ четверо-угольнымъ и желтымъ, какъ воскъ; естьли вы достанете этой травы и положите ее въ ротъ Мербонѣ, то она оживетъ и будетъ еще сто лѣтъ жить.

Ахъ, Боже мой! побѣжимъ искать этаго растѣнія скорѣе, скорѣе! — Не такъ легко, дѣти мои! можете вы достать ее, какъ вы думаете. Волшеб-

ница Ракета сдѣлаетъ для васъ вершину этой горы неприступною; и вы никогда не успѣете въ своемъ предпріятіи, естьли я не помогу вамъ. Вотъ вамъ мой кортикъ, который толщиною въ три волоса, а длиною въ мизинецъ, Кто изъ васъ смѣлѣе, ступай. Помощію этаго оружія ты разрушишь всѣ волшебства, какія бы ни встрѣтились тебѣ на пути. Но смотри не потеряй этаго оружія. Тогда напрасно уже будете призывать меня на помощь; я не въ силахъ буду болѣе служить вамъ. Прощайте, дѣтушки! не бойтесь ничего и будьте терпѣливы. Примите мое вамъ наставленіе.

Сказавши сіи слова, фея Мирмидона выбила въ окошкѣ стекло и полетѣла на воздухъ, какъ бумажной змѣй. Когда она скрылась, то трое братьевъ начали между собою совѣтоваться; всѣмъ хотѣлось итти на гору, но уступили Брискету, такъ какъ изъ нихъ *старшему.* И такъ онъ снаряжается чудотворнымъ мечемъ и идетъ въ свой путь, обѣщаясь принесть желтой четвероугольной травы. Я позабыла вамъ сказать, что добрая фея дула на больную, чтобъ она могла еще быть жива до тѣхъ поръ, пока ея дѣти или успѣютъ въ своемъ предпріятіи, или увидятъ все противное.

Черезъ часъ возвращается Брискетъ весь поблѣднѣвшій съ растрепанными волосами и въ поту и отказывается отъ путешествія. При подошвѣ этой дикой горы крылатый драконъ, изрыгающій пламень, бросился было на него и Брискетъ не имѣлъ уже духа итти далѣе; онъ воротился. Вотъ тебѣ мечь, говоритъ онъ своему брату Патеню, ступай, естьли чувствуешь въ себѣ столько мужества. А я уже отказываюсь отъ всего.

Патень и маленькой Карнавалъ смѣются надъ своимъ старшимъ братомъ, особливо же Патень называетъ его малодушнымъ, трусомъ и бе-

рется самъ итти и принести спасительной травы прежде, нежели кончится день. И такъ идетъ Патень. — Но... возвращается еще скорѣе своего брата.

Задыхаясь бросается онъ на стулъ и не можетъ уже болѣе итти. Черная большая кошка загородила ему дорогу и изъ своего рта выпустила тысячу ракетъ, которыя чрезвычайно испугали Патеня. Однакожъ онъ имѣлъ столько бодрости, что воткнулъ свой мечь въ мерзкаго кота; но къ совершенію всего несчастія жирный котъ убѣжалъ съ мечемъ, и мечь пропалъ... Вотъ бѣда! нѣтъ надежды преодолѣть волшебства дикой горы; нѣтъ

возможности призвать снова добрую фею Мирмидону, которая уже оставитЪ нашихЪ малютокЪ ... Что дѣлать вЪ такой крайности? — НѣтЪ нужды, сказалЪ маленькой КарнавалЪ, я не имѣю ни вЪ чемЪ нужды для этаго путешествія; я вскарабкаюсь на эту дикую гору и непремѣнно принесу спасительной травы. Думаешь ли ты, КарнавалЪ, говорили ему братья, что черная кошка, драконЪ, дьяволЪ и какіе нибудь еще духи съѣдятЪ тебя тамЪ. — Пусть ѣдятЪ; я не буду уже болѣе чувствовать горести отЪ смерти маменьки.

Напрасно Патень и Брискетъ плачутЪ, вздыхаютЪ;

тщетно хотять уговорить Карнавала, чтобЪ не подвергался явной опасности, и притомЪ не имѣя чудодѣйственнаго меча; КарнавалЪ уходитЪ отЪ своихЪ братьевЪ, обѣщаясь принести извѣстной травы, хотя бы должно ему было бродить тамЪ цѣлый годЪ. Какая мнѣ нужда вЪ этомЪ мечѣ, говоритЪ онЪ? Мирмидона умѣла насЪ пріятно обмануть. Мечь ея и такой силы не имѣлЪ, какЪ обыкновенные. Что это значитЪ проколоть насквозь черную кошку? а она не только не упала, да еще и убѣжала сЪ нимЪ! НѣтЪ! нѣтЪ! мнѣ мечь не нуженЪ. Я не забуду никогда двухЪ послѣднихЪ словЪ доброй нашей феи: быть *мужественну и тер-*

пѣливу. Только это для меня нужно. Прощайте, братцы!

Карнавалъ пошелъ съ веселостью и вѣрною надеждою достать спасительной травы, какіе бы тамъ ни приставлены были сторожа.

Когда Карнавалъ дошелъ до подошвы дикой горы, высоту которой почиталъ онъ почти неприступною, тутъ увидѣлъ онъ старушку, которая сидѣла на камнѣ и въ рукѣ держала ракету; крыло, прикрѣпленное къ ея колпаку, служило вмѣсто вѣнца. Карнавалъ догадывался, что это должна быть волшебница Ракета, врагъ ея матери. Мой другъ, говоритъ ему эта плутовка, куда ты идешь сюда? — Я иду, суда.

рыня, за своимъ дѣломъ. — Не глупъ ли ты, что хочешь вскарапкаться на эту ужасную гору? — Я не боюсь, сударыня! Послушай. Ты идешь сюда безъ всякаго талисмана, такъ какъ и двое мальчиковъ, которые до тебя приходили сюда: это меня удивляетъ. Я стерегу *желтую траву*; но я пощажу твое малодушіе, и естьли ты имѣешь столько мужества и терпѣнія, что выдержишь то испытаніе, какое я надъ тобою сдѣлаю: — тогда клянусь тебѣ именемъ феи, что позволю тебѣ взойти на гору. Какое испытаніе, сударыня! — Очень трудное, и я боюсь, чтобы ты не погибъ. — Говорите скорѣй. — Я люблю

муравьиные: глаза они соста-
вляютъ пріятнѣйшее мое ку-
шанье. Вотъ возлѣ тебя об-
ширный муравейникъ; повыко-
ли у всѣхъ муравьевъ глаза и
постарайся приготовить мнѣ
обѣдъ.

Волшебница Ракета скры-
лась; и Карнавалъ посмѣявшись
этому смѣшному повелѣнію,
началъ по прежнему карабкать-
ся на гору; но зеленая обезь-
яна копьемъ длиною въ шесть
тысячь футовъ заставила ему
дорогу, грозя проколоть его
имъ, какъ вертеломъ. Карнавалъ
понялъ изъ этаго, что надоб-
но удовлетворить феи, началъ
ловить муравьевъ и имѣлъ
терпѣніе набрать до трехъ
милліоновъ, и вырывалъ у нихъ

глаза, клалЪ на золотое блюдо, которое очутилось возлѣ него. Этою мѣлочною работою занимался онЪ два дни и двѣ ночи. Ночи освѣщаемы были двумя превосходными карбункулами, которые вдѣланы были вЪ золотое блюдо, на которомЪ готовилЪ онЪ кушанье лакомой феи Ракеты. Окончивши свое дѣло, призвалЪ ее к она явилась; сЪ бѣшенствомЪ взяла у него блюдо, досадовала и удивлялась, какЪ такое нѣжкое дитя могло быть столько терпѣливо, и какЪ могло выполнить ея желаніе — и скрылась. КарнавалЪ полѣзЪ далѣе на гору; онЪ прошелЪ цѣлую милю и не встрѣчалЪ никакого препятствія.

Наконецъ видитъ по правую сторону прудъ, а передъ собою чрезвычайной высоты мѣдную стѣну, которая простиралась чрезъ всю гору такъ, что не льзя уже было итти далѣе. Карнавалъ въ замѣшательствѣ видитъ хижину, которая съ половины стѣны возвышалась, и затворенныя желѣзныя ворота. Догадываясь, что здѣсь живетъ привратникъ этой крѣпости, рѣшился постучаться. — Тукъ, тукъ, тукъ. — Кто тамъ? — Отвори! — Что вамъ угодно? Пройти за стѣну. — Этаго невозможно сдѣлать. Карнавалъ стучитъ опять: тукъ, тукъ, тукъ. У него спрашиваютъ: кто? Онъ отвѣчаетъ по пре-

жнему; а отвѣта уже болѣе не слышитъ. Не теряя бодрости онъ стучитъ въ третій разъ: тукъ, тукъ, тукъ. Вдругъ отворяется дверь — и какъ испугался Карнавалъ, увидѣвши великана вышиною въ тридцать футовъ. Какой тамъ шалунъ, говоритъ онъ, безпокоитъ меня въ уединеніи, и чего онъ хочетъ отъ меня? — Я повторяю вамъ опять: мнѣ хочется пройти за стѣну и нарвать желтой травы, которая растетъ на вершинѣ этой горы. Великанъ не могши его слышать по причинѣ великаго возвышенія своей головы, беретъ Карнавала на ладонь свою и подноситъ къ уху: твой голосъ слишкомъ

слабЪ, заговорилЪ ему страшнымЪ голосомЪ, а мое ухо слишкомЪ велико и не можетЪ понять твоего визга. Посмотримъ, тебѣ хочется пройти во внутренность, не такЪ ли? — Пожалуй, я согласенЪ; только съ условіемЪ. — КакимЪ? — Я люблю жареную рыбу; надобно наловить для меня цѣлое большое блюдо. Я позволяю тебѣ пройти, естьли ты наудишь мнѣ пискарей вЪ этомЪ прудѣ, которой вЪ длину имѣетЪ милю, а вЪ ширину полмили. — Но, господинЪ великанЪ! я не могу этаго сдѣлать! — Ну такЪ останешся здѣсь; я не пущу тебя ни впередЪ ни назадЪ. ТамЪ ты опять встрѣтишся

съ зеленою обезьяною; которая тебя проглотитъ, какъ свѣжее яйцо. Теперь ты видишь, что должно тебѣ дѣлать.

Карнавалъ будучи по природѣ отваженъ на все, ни мало не медля рѣшился. Дайте мнѣ уду, сказалъ великану. — Вотъ *она! прощай!*

Карнавалъ пошелъ съ удою къ пруду, и въ пять мѣсяцовъ, восемъ дней, пять часовъ и три минуты съ половиною выловилъ изъ этаго великаго пруда всѣхъ пискарей, сколько въ немъ ни было. Онъ самъ чрезвычайно дивился, почему не хотѣлось ему ни пить, ни ѣсть, ни спать въ продолженіи такой работы во столько

времени. Онъ безпокоился только о своей матери; но увѣренъ будучи въ расположеніи къ себѣ доброй феи Мирмидоны, онъ льстилъ себѣ тѣмъ, что она продолжитъ мученія его матери до тѣхъ поръ, пока не кончится его путешествіе.

Окончивши свою ловлю, онъ началъ пискарей семь милліоновъ восемдесятъ двѣ тысячи триста шестьдесятъ пять. Ну, говоритъ самому себѣ, этаго блюда будетъ довольно для брюха этаго великана.

Онъ призвалъ великана; великанъ явился и чтобъ увѣриться, что всѣ пискари выловлены, онъ дунулъ на воду: вдругъ вся вода разплеснулась по сторонамъ и осушился

прудъ. Онъ не нашелъ ни одной рыбки. Великанъ со гнѣвомъ взялъ блюдо, и въ мигъ мѣдныя стѣны исчезли предъ глазами Карнавала, и онъ могъ уже продолжать путь свой далѣе.

Прошелъ еще одну милю, и увидѣвши вершину дикой горы, обрадовался, думая, что дошелъ до своей цѣли; но вдругъ увидѣлъ новое препятствіе: — густую рощу, окруженную желѣзною рѣшеткою, сквозь которую видѣлъ онъ тамъ хворостъ и валежной лѣсъ. Тамъ слышалъ онъ печальный крикъ лѣсныхъ птицъ, которыя водились тамъ въ великомъ множествѣ. Карнавалъ долго ходилъ около рѣшетки и нигдѣ не могъ найти входа въ рощу.

Наконецъ отъ великой усталости сѣлъ на камень и обративши глаза на свою хижину, которую видѣлъ онъ въ двухъ миляхъ подъ горою — заплакалъ. Любезная маминька! говоритъ онъ; я преодолѣлъ столько препятствій; мнѣ оставалось ожидать скораго успѣха въ предпріятіи; и не уже ли должно мнѣ потерять всю надежду при семъ новомъ препятствіи? Вы умираете, маминька! я убиваю васъ, я, который жертвую своею жизнію вашей. Ахъ, добрая фея Мирмидона! ты меня оставила!

Вдругъ слышитъ позади себя волчій крикъ и оборотившись видитъ этаго мерзкаго звѣря, который былъ въ рощѣ за

рѣшеткою. Карнавалъ подошелъ къ нему: естьли этотъ волкъ, говоритъ онъ, имѣетъ намѣреніе провести меня въ рощу, то мнѣ не для чего бояться его; въ противномъ же случаѣ я приласкаю его рукою. — Что говоришь ты, отвѣчаетъ ему волкъ, ты думаешь удовольствовать меня этимъ? Знай, что я приставленъ смотрѣть за этимъ лѣсомъ, и я могу тебя провести сюда, естьли ты сдѣлаешь для меня то, что я давно стараюсь получить. — Посмотримъ! чего ты требуешь? — Я одинъ, только здѣсь изъ четвероногихъ. Роща эта вся наполнена птицами разнаго рода и цвѣта. Мнѣ бы хотѣлось ихъ

отвѣдать; съ давняго времени я питаюсь только травою и кореньями. Эти проклятыя животныя летаютъ надъ моею головою съ дерега на дерево и только досаждаютъ мнѣ. Я до крайности люблю дворовыхъ птицъ; также съ удовольствіемъ питаюсь мясомъ бекасовъ и цесарокъ. Я дамъ тебѣ лукъ и стрѣлы, и когда перестрѣляешь ты всѣхъ птицъ, что ни есть въ этой рощѣ, ощиплешь ихъ, начинишь саломъ, приготовишь, какъ надобно быть жаркому, тогда покажу я тебѣ прямую дорогу. — Согласенъ ли ты на это?

Карнавалъ не смотря на всѣ трудности принялъ его пред-

ложеніе. Волкъ отперъ ему дверь, ввелъ въ рощу, далъ ему лукъ и стрѣлы и ушелъ отъ него. Карнавалъ, хотя еще не былъ въ этой ловлѣ опытенъ, однакожъ пуская стрѣлы и на право и на лѣво, настрѣлялъ множество птицъ всякаго рода. Желаніе спасти свою мать внушало ему бодрость и терпѣніе, и въ семь мѣсяцовъ онъ не оставилъ ни одной птицы въ рощѣ, всѣхъ перебилъ, даже соловьевъ и травничковъ. — Числомъ птицъ было три тысячи милліоновъ съ нѣсколькими сотнями. Приготовивши все надлежащимъ образомъ, кликнулъ волка, и волкъ явился. Вотъ тебѣ, говоритъ ему Карнавалъ, есть чѣмъ

позабавиться. Теперь сдержи свое слово. Волкъ заревѣлъ и вдругъ все исчезло, и роща и рѣшетка, и Карнавалъ увидѣлъ тропинку на вершину дикой горы Восхищаясь, что преодолѣлъ всѣ волшебства, шелъ онъ съ геройскою бодростію и не предвидѣлъ никакихъ препятствій; однакожъ еще оставалось самое ужасное, почти непреодолимое, послѣдняя хитрость злой волшебницы Ракеты.

При самой вершинѣ горы увидѣлъ онъ подъ ногами своими страшную пропасть, которой дна не можно было глазомъ видѣть. Она, казалось ему, была во всю гору, и нигдѣ не видѣлъ онъ

чрезъ нее моста. Тутъ Карнавалъ отчаясь успѣть въ своемъ предпріятіи, заплакалъ объ участи своей матери; сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, увидѣлъ по правую сторону прекрасное поле съ хлѣбомъ, по лѣвую виноградные кусты. Онъ сѣлъ подъ виноградомъ и просилъ небо, чтобъ научило его средствамъ преодолѣть сіи препятства.

Онъ предался своимъ печальнымъ размышленіямъ; но вдругъ почувствовалъ, какъ будто ударилъ его кто по плечу. Оборотясь назадъ увидѣлъ прекраснаго попугая съ длинными, по крайней мѣрѣ въ шесть футовъ, ногами. Теперь

можно судить о величинѣ его тѣла и о длинѣ перьевъ. Я стражъ, говоритъ ему попугай, этой пропасти, и я постараюсь тебя переправить на ту сторону, естьли ты сослужишь мнѣ службу. — Говори! Ты знаешь, что лучшая моя пища состоитъ изъ хлѣба, намоченнаго въ винѣ. Я принужденъ здѣсь питаться однѣми зернами съ этаго поля, которое принадлежитъ мнѣ. Естьли ты надавишь мнѣ вина изъ этаго винограда и пожнешь этотъ хлѣбъ, то я на своей спинѣ перенесу тебя на самую вершину дикой горы.

Карнавалъ былъ этимъ очень пораженъ. Ему дѣлать хлѣбы и вино! какъ это можно? Боже

мой! притомъ же какъ продолжительна и трудна эта работа! Каково же, говоритъ онъ самому себѣ, какъ ненасытны всѣ эти сторожа! муравьиные глаза, жаркая рыба, дичина! Я доставлялъ имъ все это; теперь должно мнѣ сдѣлаться хлѣбникомъ и виноградчикомъ.

Карнавалъ чувствуетъ всю трудность сдѣланнаго ему препорученія; но сыновняя любовь дѣйствуетъ въ немъ сильнѣе всякой другой страсти. Онъ соглашается на предложеніе, и попугай скрылся, показавши ему маленькой шалашъ, гдѣ, говорилъ онъ ему, ты можешь найти всѣ нужные припасы для своей работы.

Карнавалъ идетъ въ шалашъ, беретъ тамъ серпъ и идетъ на полѣ жать хлѣбъ: поле состояло изо ста десятинъ. Сжавши, обмолотилъ и смололъ на вѣтреной мѣльницѣ, которая стояла возлѣ шалаша. Потомъ принялся за виноградъ, который занималъ отъ осьмидесяти до девяноста десятинъ. Онъ сноситъ его въ маленькой корзинѣ, кладетъ въ кадъ и выжимаетъ вино, котораго вышло у него отъ семи до осьми сотъ винныхъ боченковъ. Послѣ того напекъ хлѣбовъ: дрова и все нужное по его слову вдругъ являлось. Окончавши свою работу почти въ семь мѣсяцевъ, онъ призываетъ попугая. Попугай явился. Вотъ говоритъ

ему КарнавалЪ, полный погребЪ сЪ виномЪ, и полная квашня сЪ хлѣбомЪ. Теперь подставь мнѣ свою спину!

Попугай засвисталЪ, какЪ извощикЪ, и при всемЪ своемЪ неудовольствіи наклонился. КарнавалЪ сѣлЪ на него, какЪ на лошадь, и попугай полетѣлЪ чрезЪ пропасть и принесЪ своего всадника на самую вершину дикой горы, которой достигнулЪ онЪ по своимЪ заслугамЪ.

КарнавалЪ, видя себя у цѣли своего путешествія, будучи одинЪ на горѣ (извощикЪ его отлетѣлЪ обратно), чрезвычайно обрадовался ивскрикнулЪ: маминька! ты спасена! —

Теперь надобно искать ему желтой травы между тысячами различныхъ травъ, которыми усѣяна вся гора. Онъ нагнувшись, ищетъ, ищетъ и не находитъ ее. Прошедши немного увидѣлъ онъ большаго черного кота, о которомъ говорилъ братъ его Патень. Онъ лежалъ мертвъ и въ боку у него торчитъ мечь феи Мирмидоны. Карнавалъ вытащилъ его изъ кота, и отъ радости вспрыгнулъ, что нашелъ его.

Нѣсколько далѣе увидѣлъ сову, которая какъ будто что нибудь прятала подъ крылья. Карнавалъ подходитъ къ ней, она бросаетъ на него огонь и дымъ. Карнавалъ блеснулъ своимъ мечемъ, и эта хищная

злая птица, засвиставши, улетаетъ. — На ея мѣстѣ появился карликъ, величиною въ шесть дюймовъ, въ черномъ платьѣ, въ большомъ парикѣ съ буклями, въ рукахъ держитъ лѣкарской инструментъ. Карнавалъ, почитая карлика лѣкаремъ, проситъ его, чтобъ показалъ ему желтую траву. — Вотъ она, говоритъ карликъ, и подаетъ ему пучокъ цвѣтовъ, между которыми отмѣнно возвышается трава, замѣчательная по четвероугольной фигурѣ своихъ листьевъ и по желтому цвѣту. Вотъ она, добрый Карнавалъ! Твоя бодрость, твое терпѣніе и любовь къ маминькѣ разрушили всѣ очарованія злой феи Ракеты.

Неси эту траву къ своей матери и скажи феѣ Мирмидонѣ, что этотъ пучокъ получилъ ты изъ рукъ Генія Ботаника, который есть твой покорный слуга.

Карликъ отдалъ цвѣты Карнавалу и скрылся между растѣніями, которыми усѣяна вся эта чудесная гора.

Возхищаясь счастливымъ окончаніемъ своего предпріятія, но утомленъ будучи продолжительными и трудными работами, Карнавалъ вскрикнулъ: ахъ! естьли бы имѣлъ я теперь у себя лошадь, чтобы скорѣе возвратиться къ маминькѣ, какъ бы я счастливъ былъ!...

Вдругъ комаръ сѣлъ ему на носъ и говоритъ: дотронься

до меня своимъ мечемъ. Карнавалъ дотронулся и комаръ превратился въ прекраснаго оленя съ крыльями и на головѣ и на ногахъ. Карнавалъ садится на него, и бѣгунъ его, котораго можно бы назвать летучимъ змѣемъ, летитъ по воздуху и вдругъ опустился прямо на дворъ Мербоны.

Тутъ окружили Карнавала удивленные такимъ зрѣлищемъ его братья, и дѣлали ему тысячу вопросовъ: ахъ, Боже мой! это ты Карнавалъ? Мы не думали, чтобъ ты былъ живъ. Скоро уже будетъ двадцать мѣсяцевъ, какъ тебя не было. Охъ! какъ мы о тебѣ плакали! — Что наша маминька? —

Маминька наша все въ одномъ положеніи, какъ ты ее оставилъ: не говоритъ ни слова, и только одно дыханіе увѣряетъ въ ея жизни. Есть у тебя желтая трава? — Есть, вотъ она! но не надобно терять времени.

Между тѣмъ, какъ крылатаго оленя повели въ конюшню, Карнавалъ съ своими братьями пошелъ къ больной своей матери и пустилъ ей въ ротъ нѣсколько соку изъ листьевъ спасительной травы. Мербона вдругъ поднялась съ своей постели, и проситъ завтрака, говоря, что чувствуетъ сильный аппетитъ.

Тутъ спускается каминомъ фея Мирмидона и разсказываетъ

Мербонѣ все, что ни происходило съ маленькимъ Карнаваломъ, все, что онъ выштерпѣлъ для того, чтобъ возвратить ей жизнь. Марбона обнимаетъ Карнавала, и отъ нѣжности плачетъ. Это еще не все, говоритъ ей фея! вамъ всѣмъ надобно быть щасшливыми; надобно наградить сыновнюю любовь Карнавала. Смотрите!

Фея сдѣлала три прыжка, начертала кругъ своимъ волшебнымъ прутомъ, потомъ плюнувши пробормотала нѣсколько словъ изъ своей черной книги — и вдругъ бѣдная хижина Мербоны превратилась въ гордый замокъ съ длинными, необъятными глазомъ, алеями. Мербона

начала жить сто лѣтъ съ Карнаваломъ и съ его братьями, которые, такъ какъ менѣе мужественны, нежели онъ, менѣе его имѣли достоинствъ, должны были уступить ему во всемъ первенство. Всѣмъ щастіемъ, всѣмъ богатствомъ обязаны они маленькому Карнавалу. Надъ входомъ въ замокъ и теперь еще видна надпись, изображенная огненными словами, которыя ночью свѣтятъ всѣмъ путешествующимъ мимо замка. — Вотъ она:

Здѣсь обитаетъ сыновняя любовь!

Прохожій!

Почерпай въ исторіи маленькаго Карнавала правила нѣжности, мужества, терпѣнія и упованія на Бога!

ТРЕТІЙ ВЕЧЕРЪ.

Моя бабушка пришла къ намъ вечеромъ, когда мы всѣ между собою спорили. Что за шумъ, спрашиваетъ она? Какая тому причина? Я говорю: бабушка, Адольфъ повѣса! — Что онъ сдѣлалъ?, — Я, бабушка, вамъ все разскажу. Памятуете вы, что вы уже съ мѣсяцъ обѣщали ему купить къ празднику игрушку. Онъ говорилъ намъ: ахъ! естьли бы купила она мнѣ такъ какъ и обѣщала, хорошенькую куколку: то я не одинъ бы смотрѣлъ на нее, не одинъ бы забавлялся ею; мы бы играли ею всѣ вмѣстѣ. Я помню, что вы раздѣляли со мною всѣ игрушки, какія ни давала вамъ бабушка. Такъ,

братцы, мы бы играли сю всѣ вмѣстѣ. — Ну, что далѣе? — А теперь, бабушка, какъ вы вчера купили ему эту куклу, которой ожидалъ онъ съ такою жадностію не показываетъ намъ, обманулъ насъ и забавляется ею самъ одинъ. И какъ мы начали за то, что обманулъ насъ, выговаривать, то онъ изломалъ свою куколку, чтобъ намъ не доставалась. Лучше и самъ не буду играть, говорилъ онъ, нежели чтобъ дать вамъ ее. И, не будучи этимъ доволенъ, бросился какъ бѣшеный на наши игрушки, и всѣ изорвалъ на мѣлкія части.

Бабушка, посмотрѣвши на Адольфа, ба! говоритъ ему,

таковъ-то ты мой другъ! Фи! какой негодница! когда что обѣщалъ, то можно ли уже не сдержать своего слова? Когда дѣти не дорожатъ своею честностію, то и выростутъ — будутъ повѣсы и негодныя люди. Такой низкой укоренившійся съ лѣтами характеръ они приносятъ съ собою въ общество, въ которое вступаютъ. Они не имѣютъ ни честности въ словахъ, ни довѣренности, ни хорошаго поведѣнія; я хочу сказать вамъ, чтобы вы всегда старались выполнять свои обѣщанія — и въ самой опасности жизни. Послушайте, дѣти! исторію большаго звонаря; и вы уви-

дите, до чего доходятъ люди, которыя склонны забывать сдѣланныя обѣщанія?

ЖЕЛТАЯ КРАСАВИЦА,

или

БОЛЬШОЙ ЗВОНАРЬ,

СКАЗКА.

Былъ нѣкогда богатый торговщикъ, который часто путешествовалъ по коммерческимъ дѣламъ своимъ. У него была дочь шестнадцати лѣтъ, рѣдкая красавица. Ее звали Розобелла за ея красоту и прiятность лица. Розобелла была утѣшенiемъ своему отцу, по хорошему своему нраву и по добротѣ души; но она была вѣтрена, легкомысленна, премѣнчива. Отецъ хотѣвъ ее выдать замужъ, обѣщалъ ея

руку сыну одного корабельнаго Капитана, своего друга, съ которымъ должно было ему видѣться, по окончаніи своего путешествія, въ одномъ большомъ городѣ. Однажды ѣхавъ онъ съ своею дочерью въ богатой одноколкѣ, украшенной серебряными бляхами, застигла ихъ въ лѣсу ночь. Тутъ напали на нихъ разбойники, ограбили, прибили его и увезли его дочь съ собою, не смотря ни на ея крикъ, ни на слезы. Розобелла кликала своего отца, рвала на себѣ волосы; но разбойники не слушая ничего, вели ее далѣе и далѣе. Наконецъ приведши въ густой лѣсъ, привязали къ дереву; а за чѣмъ поступили они такъ, того

мнѣ не сказалъ тотъ, отъ кого слышала я это произшествіе.

Розобелла, связянная и по рукамъ и по ногамъ, будучи уже готовою жертвою сихъ бездѣльниковъ, кричала: естьли какой благодѣтельной человѣкъ освободитъ меня отъ этаго несчастія, то клянусь, что никогда его не оставлю и съ его судьбою соединю свою судьбу!

Вдругъ раздался въ лѣсу звукъ охотничьихъ роговъ, лай собакъ и топотъ лошадей. Разбойники думая, что это великая погоня, столько испугались, что всѣ побѣжали въ разныя стороны и связанную свою плѣнницу оставили одну.

Когда они были далеко, да-

леко, перестали играть рога и собаки лаять, сдѣлалась тишина, и Розобелла избавилась нѣсколько отъ своего страха, думая, что разбойники уже всѣ разсыпаны. Однакожъ все еще боялась, чтобы они не воротились назадъ и плакала. Тутъ является передъ нею человѣкъ *большаго роста*, смуглый и безобразный. Розобелла, говоритъ онъ ей, небо пославъ меня избавить васъ отъ опасности, судило мнѣ насладиться лестнымъ щастіемъ за освобожденіе васъ, по вашему обѣщанію. — Какъ вы, государь мой, меня знаете? — Я знаю по дару волшебства, помощію котораго произвелъ я этотъ пустой шумъ въ рощѣ съ тѣмъ

только, чтобы прогнать злодѣевъ, которые не давно имѣли васъ въ своихъ рукахъ.

Лишь *только* выговорилъ онъ сіи слова вдругъ всѣ веревки, которыми связана была Розобелла, спали съ нее сами собою; и она сдѣлалась, какъ *воздухъ, свободна*. Прошу итти со мной, говоритъ ей неизвѣстный, подавая ей учтиво свою руку. — Государь мой! . . . но, мой батюшка . . . . Ничего не бойтесь въ разсужденіи его; вы скоро увидите его во всемъ богатствѣ и въ славѣ.

Розобелла не смѣла уже болѣе говорить; подала руку свою неизвѣстному и пошла за нимъ. Идучи дорогой раз-

смотривала сего человѣка и онъ ей не понравился. Ростомъ онъ былъ въ шесть футовъ съ половиною, былъ тонокъ, какъ дудка; сухъ какъ кукушка; черенъ, какъ Негръ. Рыжіе, курчавые волосы висѣли на глаза, которые были и впалы и косы; во рту не было ни одного здороваго зуба; руки его совершенно походили на гусиныя лапы. Мерзкой человѣкъ! говорила самой себѣ Розобелла: онъ обманывается, естьли думаетъ имѣть меня своею женою. Я лучше соглашусь, чтобы меня задушили разбойники, отъ которыхъ избавилъ онъ меня.

Проводникъ Розобеллинъ пришелъ въ деревню, гдѣ онъ

жилЪ. Жилище его состояло изЪ одной крестьянской хижины, которая была и скучна и невыгодна. Розобелла говоритЪ про себя тихонько: такому человѣку, который имѣетЪ дарЪ волшебства, жить такимЪ образомЪ низко, бѣдно и ни на что не походитЪ.

НеизвѣстныйпросилЪ ее сѣсть на деревянную скамѣйку и началЪ ей говорить: Розобелла! вы на меня смотрите, смотрите на уборЪ моей комнаты и сомнѣваетесь во мнѣ. Смѣю васЪ увѣрить, что я заслуживаю ваше уваженіе; скажу еще болѣе, вашу нѣжность. — Злая волшебница, бывшая при моемЪ рожденіи, при-

чиною всего моею несчастія. Я теперь въ самомъ бѣдномъ положеніи и тѣмъ только кормлюсь, что хожу въ сельскую церковь и звоню въ колокола. По этому и называютъ меня большимъ звонаремъ. Сила моего волшебства очень не далеко простирается. Я съ трудомъ удовлетворяю потребностямъ своей жизни. Я не могу .... но вы узнаете современемъ весь секретъ, котораго теперь я не могу вамъ открыть, и которому главной причины и самъ до сихъ поръ не знаю. Впрочемъ, Розобелла, позвольте вамъ напомнить о вашемъ обѣщаніи и раздѣлить со мною мое житье бытье. — Какое, государь мой, обѣщаніе? — Не

вы ли обѣщались соединить свою судьбу съ судьбою того человѣка, который будетъ имѣть щастіе освободить васъ отъ злыхъ разбойниковъ, которые хотѣли васъ убить? — Правда, государь мой . . . но еще надобно подумать о сходствѣ. — Я понимаю васъ; и естьли вы намѣрены провести у меня только нѣсколько дней; то послѣдствіе вамъ покажетъ, что между нами очень мало разности, чего теперь вы не понимаете.

Розобелла не говоритъ ни слова. Глаза ея налились слезами и большой звонарь стараясь унять ихъ, подаетъ ей молока, плодовъ, и столько объ ней заботился, столько услу-

живаетъ ей, что Розобелла перестала уже смотрѣть на него Сентябремъ. Прошло нѣсколько дней, и Розобелла такъ ужилась съ своимъ гостепріимцемъ, что, казалось, никогда его не оставитъ. Когда ходилъ онъ звонить въ колокола и она оставалась одна дома, часто приходило ей въ голову уйти отъ него; но подумавши о мученіи, какое можетъ она чрезъ то доставить такому нѣжному, приверженному любовнику, оставляла свое мнѣніе. Большой звонарь примѣтилъ въ Розобеллѣ великую перемѣну, какую произвели въ сердцѣ ея его заботы. Это столько его обрадовало, что онъ однажды поутру осмѣлился просить ея

руки. Розобелла, которая смотрѣла уже на большаго звонаря, какъ на самаго прекраснаго и любезнаго друга (любовь умѣетъ все прикрасить), сказала ему, что она готова исполнить свое обѣщаніе и согласна дать ему свою руку, съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ *онъ позволилъ ей провѣдать* объ ея отцѣ, о которомъ столько всегда она безпокоилась. Большой звонарь поблѣднѣлъ и совѣтовалъ ей оставить свое намѣреніе. Розобелла стояла въ томъ упорно, и того же дня хотѣла пойти. Вы меня забудете, говоритъ онъ ей! — Я! моего друга? — Никогда! — Путешествіе, разсѣяніе, все истребитъ меня въ

памяти вашей и вы уже не воротитесь! — Я даю вамъ честное слово, что ворочусь! — Знайте же, Розобелла, что естьли вы не воротитесь, то я умру, и моя тѣнь будетъ вѣчно укорять васъ въ моей смерти. — Вы не умрете; я говорю вамъ, что ворочусь, и клянусь, что тогда выйду за васъ. Естьли я нарушу свою клятву, то пусть лицо мое пожелтѣетъ, какъ это яблоко (они тогда завтракали); пусть буду я тогда предметомъ всеобщаго презрѣнія, естьли не сдержу своего слова. Слыша такія увѣренія, Розобелла, я отпускаю васъ; и чтобы вы могли скорѣе и вѣрнѣе найти своего батюшку, для этаго я

дамъ вамъ этотъ перстень. Посредствомъ его вы избавитесь отъ всѣхъ опасностей, и малѣйшія ваши желанія будутъ удовлетворяемы. —

Когда будетъ онъ у васъ на рукѣ, то вамъ надобно будетъ только захотѣть чего, и вдругъ все будетъ сдѣлано. Но, *Розобелла*, я даю вамъ этотъ единственный свой талисманъ, потому только, что искренно васъ люблю; я получилъ его, такъ какъ даръ волшебства. И такъ вы вѣрно обѣщаетесь возвратить мнѣ его; не такъ ли? — въ противномъ случаѣ .... Я сама возвращу вамъ его ближе мѣсяца. Прощай, мой другъ! Я иду и снова подтверждаю мои обѣ-

щанія быть вамъ вѣрною.

Большой звонарь съ почтеніемъ поцѣловалъ Розобеллину руку и пошелъ звонить. Тогда Розобелла надѣла наголову свою соломенную шляпку и отправилась; шла цѣлый день и почувствовала усталость. Она вздумала, что посредствомъ перстня можетъ достать повозку. И такъ ей захотѣлось имѣть повозку, и вдругъ явилась передъ нею въ шесть лошадей карета. Кучеръ спрашиваетъ: куда ей угодно ѣхать? Въ рощу, сказала, гдѣ на отца моего напали разбойники. . . . .

Вдругъ уже и въ рощѣ. Идетъ — спрашиваетъ; но никто не можетъ ей ничего сказать о

покупщикѣ. Что я дура дѣлаю? говорить самой себѣ, какъ будто нѣтъ у меня перстня? Посмотрю, како далеко простирается его дѣйствіе?

Она захотѣла, чтобъ ея повозка исчезла и вдругъ разступилась земля, и кучеръ, карета, лакѣи и все туда ушло.. Это произшествіе поселило въ ней какой-то страхъ. И она захотѣла быть на томъ мѣстѣ, гдѣ ея отецъ. Вдругъ поднялась она на воздухъ и въ мигъ очутилась у прекрасного сельскаго дома, гдѣ хотѣлось ей быть невидимою, а самой видѣть все, чтобы тамъ ни дѣлалось. Отворивши дверь видитъ своего отца; возлѣ него сидитъ какой-то

старикъ и прекрасный молодой человѣкъ, какого нигдѣ не видано. Отецъ ея плачетъ и говоритъ старику: вы правду сказали, Г. Капитанъ. Я во всю жизнь мою буду плакать. Естьли бы эти злодѣи не убили ее, то она вѣрно была бы теперь женою вашего сына Белямура.

Белямуръ (такъ звали этаго молодаго человѣка) отвѣчалъ также со слезами: ахъ! посмотрѣвши на одинъ портретъ, который вы показали мнѣ, я обожаю Розобеллу, и естьли не буду я супругомъ этой прелестной особы, которой бы могъ я составить все щастіе, то мнѣ должно будетъ умереть съ тоски. Отецъ мой и я ходя

по морямъ столько обогатились, сколько едва ли имѣютъ первѣйшіе богачи въ свѣтѣ. Сверьхъ того у меня есть тетушка фея, которая доставляетъ мнѣ все, чего бы я ни захотѣлъ. Дай Богъ, чтобъ щастлива была Розобелла! я отвезъ бы ее въ свой прекрасный замокъ, сдѣланный изъ бѣлаго мрамора, и тамъ жили бы съ нею прещастливо.

Торговщикъ началъ плакать, отецъ Белямуровъ также; а молодой человѣкъ сильно рыдалъ и даже задыхался.

Розобелла, пораженная общею всѣхъ печалью, особенножъ разтроганная печалью Белямура, котораго прекрасные голу-

бые глаза уязвили ея душу— Розобелла не могла долѣе преодолѣвать себя; и притворясь, будто входитъ въ дверь, сдѣлалась видимою и бросилась въ объятія своего отца, крича: вотъ я, батюшка!

Я не могу вамъ, дѣти мои, описать этаго трогательнаго зрѣлища. Розобеллу обнимаютъ то тотъ то другой старикъ; а молодой человѣкъ столько обрадованъ, столько, что уже дѣлалъ нѣкоторыя непристойности, прыгалъ какъ козленокъ нашей козы. Розобелла разсказываетъ, что она избавлена отъ разбойниковъ однимъ благороднымъ чужестранцомъ, но о томъ не говоритъ ни слова, какую имѣетъ она связь съ

большимъ звонаремъ, и что чрезъ два мѣсяца обѣщалась она выттш за него. Торговщикъ представляетъ своей дочери Белямура, какъ будущаго ея супруга. Розобелла смотритъ на сего молодаго человѣка. Онъ показался ей нѣжнымъ и учтивымъ. Она чувствуетъ, что съ нимъ она можетъ быть щастливѣе, нежели съ звонаремъ, который походитъ на большаго сѣнокосца. Съ симъ первымъ чувствомъ неблагодарности соединилось чувство презрѣнія и гордости. Белямуръ ведетъ ее въ свой замокъ изъ лучшаго бѣлаго мрамора съ золотою насѣчкою и изъ мѣлкихъ алмазовъ. Это гордое жилище

совершенно противоположено бѣдной хижинѣ большаго звонаря. И такъ неудивительно, что Розобелла позабыла о первомъ своемъ любовникѣ и о данномъ словѣ. Она согласилась выттти за Белямура.

Между тѣмъ, какъ дѣлаются великолѣпныя пріуготовленія къ свадьбѣ, она отъ времени до времени въ тишинѣ ночи думаетъ о несчастномъ, которому можетъ она нанести смерть. Сперва начала было тужить, но скоро опять стала утѣшать себя тѣмъ, что у большаго звонаря нѣтъ волшебнаго перстня, и слѣдовательно онъ не можетъ узнать о ея измѣнѣ, и не можетъ ее найти. Я, когда выйду за-

мужЪ, такЪ размышляетЪ она, то отошлю кЪ нему обратно его перстень и письменно извинюсь передЪ-нимЪ, что не любовь, но благодарность и почтеніе кЪ нему вынудили у меня такія неосновательныя обѣщанія.

ТакимЪ образомЪ Розобелла обманывала самое себя. Бракосочетаніе ея сЪ прекраснымЪ, богатымЪ БелямуромЪ совершено сЪ блистательною пышностію и неслыханнымЪ великолѣпіемЪ. ВЪ вечеру, когда кончился и столЪ и балЪ, оба отца отвели дѣтей своихЪ вЪ извѣстныя ихЪ комнаты. Прошла ночь и БелямурЪ встаетЪ очень рано по утру. ОнЪ долженЪ отдать различ-

ные приказы, какъ требуетъ того обширное управленіе ихъ дома, идетъ на большія галлереи своего замка. Розобелла еще спитъ. — Уже полдень; встаетъ и она; кличетъ служанокъ; онѣ входятъ. Но какъ удивилась Розобелла, когда всѣ служанки, посмотрѣвши на нее, начали закрываться руками и выбѣгать съ ужаснымъ крикомъ. Розобелла опять кликнула. Вэошли другія служанки и выбѣжали какъ и первыя. Что это значитъ? думаетъ Розобелла, не замарано ли у меня лицо? —

Она встала съ постели и смотрится въ зеркало. Но — вотъ удивленіе! ея лицо было желто

какъ яблоко. Пропала вся красота ея.

Боже мой! вскрикнула Розобелла и упала въ обморокъ. Никто нейдетъ къ ней на помощь. Она пришла въ чувство, смотритъ на себя снова, и видитъ, что она вся пожелтѣла. Это произходитъ, говоритъ она, отъ проклятаго перстня, который такъ я берегу. Точно это все отъ него.

И такъ беретъ она перстень большаго звонаря и бросаетъ его за окошко въ ручей, въ которомъ вода послѣ этаго такъ закипѣла, какъ будто отъ огня. Отмстивши такимъ образомъ этому талисману, ложится опять въ постель и дивится самой себѣ,

кличетъ опять служанокъ, которыя робко подходятъ къ ней. Затворите всѣ окончины, говоритъ она имъ съ гнѣвомъ, чтобъ здѣсь не было нималѣйшаго свѣта и запрещаетъ имъ говорить своему мужу о перемѣнѣ, какую видятъ онѣ на ея лицѣ.

Все сдѣлано по ея приказанію. И служанки разнесли слухъ, что она больна, и что она никого не велѣла пускать къ себѣ, кто бы онъ ни былъ. Вечеромъ ея любезный супругъ получилъ позволеніе войти къ ней, однакожъ безъ свѣчи. Ему сказано, что глазамъ ея несносенъ этотъ свѣтъ. Онъ затворяетъ за собою дверь, садится взозлѣ нее,

изъясняетъ свою горесть видѣть ее больною и осыпаетъ поцѣлуями. Въ полночь раздался въ замкѣ страшный голосъ: нѣтъ уже ни колокола, ни звонаря. И какъ будто что-то зазвѣнѣло трижды или четыре раза: динь, динь, динь, динь; и десять или двенадцать разъ пробормотало. Розобелла съ ужасомъ говоритъ тихонько: *это большой звонарь!* Белямуръ встаетъ и кричитъ: кто здѣсь, маминька? слышите ли вы этотъ звонъ?

Белямуръ обѣжалъ всѣ комнаты со свѣчью и никого не нашедши, хотѣлъ опять лечь на постелю; но такъ какъ вошелъ онъ въ спальню съ двумя восковыми свѣчами, увидѣлъ,

что Розобелла совсѣмъ перемѣнилась и выбѣжалъ отъ нее назадъ, закричавши: ахъ! у меня на кровати дьяволъ!

Что тутъ пришлось дѣлать Розобеллѣ? Она приводитъ себѣ на мысль, что поклялась большому звонарю вытти за него, что согласилась сдѣлаться желтою, какъ яблоко, естьли не устоитъ въ своемъ словѣ; и что сей несчастный заклялъ ее тѣмъ, что онъ умретъ и его тѣнь будетъ вѣчно преслѣдовать ее и упрекать въ измѣнѣ.

Желтая красавица въ отчаяніи своемъ слышитъ, что идетъ ея мужъ, за которымъ съ поспѣшностію идутъ сто

его слугъ; и чтобъ тѣ, которые видѣли ее прежде такъ прекрасною, не были свидѣтелями ея безобразія, поспѣшно бросается изъ окошка въ садъ, бѣжитъ одна въ спальномъ платьѣ въ калитку, — по полямъ, одна, вся въ слезахъ. На разсвѣтѣ прибѣгаетъ въ лѣсъ и бросаясь въ траву, размышляетъ о своемъ несчастіи. Успокоившись нѣсколько, слышитъ громкой колокольной звонъ: динь, динь, динь, динь. И вдругъ видитъ передъ собою ужасное привидѣніе, въ бѣломъ платьѣ, въ рукахъ колокольчикъ и звонитъ въ него. Это большой звонарь, крикнула Розобелла и закрыла руками глаза.

Мало по малу звонъ утихъ и Розобелла смотритъ во всѣ стороны. Лѣсъ ей кажется преогромнымъ. Она пустилась въ путь, идетъ, сама не знаетъ куда, при концѣ алеи встрѣчается со львомъ, который говоритъ ей: *вѣроломная!* и эхо повторяетъ его слова: *вѣроломная! вѣроломная!*

Сдѣлала два шага впередъ и воронъ, сидящій на деревѣ кричитъ ей: *невѣрная!* эхо повторяетъ: *невѣрная! невѣрная!*

По правую сторону змѣй, поднявши свою голову, шипитъ ей: *измѣнница!* Розобелла слышитъ вездѣ повторяющіеся отзывы: *измѣнница! измѣнница!*

Я заслуживаю это названіе, говоритъ она, заслуживаю эту горькую участь. Вся природа, кажется, упрекаетъ меня въ измѣнѣ клятвы. Вотъ достойная казнь измѣнникамъ и неблагодарнымъ. И этотъ драгоцѣнный перстень, отъ котораго зависѣла судьба его, и которой далъ онъ мнѣ съ такою довѣренностію, я потеряла. Ахъ! я причина его несчастія. Онъ умеръ и я несчастна на вѣки....

Ввечеру пришла она къ маленькой хижинѣ, и стучится: тукъ, тукъ, тукъ. Выходитъ старушка и отворяетъ дверь. Что надобно? — Ночлега, матушка. — Тебѣ, милая! ахъ какъ ты желта! что съ то-

бою сдѣлалось? — Я была въ оспѣ, которая только-что сошла. — Нѣтъ! нѣтъ, милая! поди далѣе, у меня нѣтъ для тебя мѣста: у меня есть малыя дѣти. Я боюсь, чтобъ ты ихъ не заразила.

Прошедши далѣе стучится въ другую избу: тукъ, тукъ. Выходитъ къ ней старикъ, которому она тоже разсказываетъ что и старушкѣ. Доброй старикъ, хотѣлъ было прогнать ее, но она усильною своею прозьбою склонила его и онъ позволилъ ей переночевать одну ночь. Поужинавши легла спать въ уголкѣ, которой отвелъ ей хозяинъ: но лишь только на постелю, то и слышитъ такой звонъ, какъ зво-

нятъ по мертвымъ. Такъ, говоритъ самой себѣ Розобелла, это большой звонарь.

Тѣнь, вся бѣлая, поднимаетъ ея занавѣсъ; Розобелла видитъ большаго звонаря; онъ прикоснулся къ ея сердцу и исчезъ. Розобелла слышитъ стукъ цѣпей: брякъ брякъ. Она почувствовала удушающій сѣрный запахъ. Вдругъ стучатся въ дверь. Кто тамъ, кричитъ хозяинъ, отвори. Не ты ли привела сюда съ собою привидѣнія, мертвецовъ со всѣми ихъ проказами? Сей же часъ ступай вонъ, а иначе я тебя затравлю собакой.

Бѣдная Розобелла, не говоря ни слова, одѣвается и идетъ со двора средь ночи. Хозяинъ

проводилъ ее ужасною бранью и проклятіемъ. Идетъ она и позади себя слышитъ звонъ непрестанно, трайлинь, трайлинь, трайлинь, но не видитъ никого. Всякъ, кто ни идетъ этой дорогой, слышитъ страшный звонъ и бѣжитъ безъ памяти.

По прошествіи двухъ дней и двухъ ночей безпрерывнаго путешествія пришла она къ великолѣпному замку; въ которомъ слышенъ былъ великой шумъ. Сквозь окончины, которыя были открыты, свѣтились зажженныя люстры изъ горнаго хрусталя; въ прекрасныхъ алебастровыхъ и порфировыхъ вазахъ курились благовонныя масти. Зеркалами

украшены были всѣ комнаты съ верьху до низу, и потолки и полы. Стѣны этаго дома были покрыты бѣлымъ фарфоромъ съ золотою насѣчкою, точно такою, какая на кофейныхъ чашкахъ у вашей маминьки въ Парижѣ. Вездѣ гремитъ музыка: скрыпки, флейтраверсы, арфы, гитары. Какъ щастливы господа этаго дома, сказала Розобелла, я буду просить ихъ принять меня къ себѣ въ служанки.

Стучится въ дверь, къ ней выходитъ старая дама въ богатомъ платьѣ. Розобелла проситъ ее, чтобы приняла ее въ служанки. Старушка качая головой, говоритъ ей: нѣтъ, милая! я не могу тебѣ дать

другой работы, какъ быть судомойкою. Я думаю, что этимъ мѣстомъ можно быть довольною, особливо такому раку какъ ты. Ты ищешь работы..... а теперь у меня сынъ женится; я даю открытый балъ, и такъ сыщется и тебѣ дѣло.

Розобелла *обѣщается* прилѣжно и усердно работать. Ее отвели на кухню къ запачканнымъ мерзкимъ посудомоямъ. Я позабыла сказать вамъ, дѣтушки, что звонъ пересталъ звѣнѣть какъ скоро вошла она въ этотъ домъ, и она думала, что уже избавилась отъ преслѣдованія большаго звонаря.

Между тѣмъ хозяинъ этаго замка съ своею нарѣченною не-

вѣстою и за нимъ всѣ его друзья и гости, богато одѣтые, пошли въ рощу.

Розобелла любопытствуя узнать своихъ хозяевъ, которымъ должна служить, спряталась за деревья въ такомъ мѣстѣ, откуда можетъ она все видѣть, все слышать.

Женихъ былъ прекрасной молодой человѣкъ: о! несравненно красивѣе Белямура. Его всѣ пріемы были пріятны и привлекательны, Невѣста его была въ длинномъ платьѣ, усаженномъ одними бриліянтами, разными узорами, въ самомъ лучшемъ вкусѣ.

Друзья мои, говоритъ хозяинъ собранію, я обѣщалъ разсказать вамъ здѣсь всѣ свои

приключенія, послушайте: я сынъ феи Милены, которую видите вы возлѣ меня. Смертный ея врагъ, волшебница Хитрена, которая сильнѣе ея и занимаетъ вышшее мѣсто, унесла меня въ минуту моего рожденія, и никакая сила не могла меня изхитить изъ рукъ ея, пока не исполнится мнѣ дватцати лѣтъ. Эта злая волшебница сдѣлала меня звонаремъ въ приходской сельской церькве и такъ перемѣнила весь мой видъ, что я сдѣлался дологъ, сухъ, тощь и безобразенъ. Перстень, который тайнымъ образомъ, мать моя при мнѣ оставила, сообщалъ мнѣ нѣкоторый даръ волшебства, и при томъ, что только касалось до моей жиз-

ни, не доставляя мнѣ ни денегъ, ни драгоцѣнныхъ вещей, ни чиновъ. Одна молодая дѣвушка, которую избавилъ я отъ смерти, мнѣ очень понравилась, и сама увѣряла меня во взаимной любви, обѣщалась за меня вытти возвратившись изъ своего путешествія. Я положился на ея честное слово. Отдалъ ей драгоцѣнной свой престень: и жестокая измѣнила своей клятвѣ, вышла за Белямура. Съ того времени я попался въ руки злой волшебницы.

Цѣлые восемь дней, не умирая, я ходилъ тѣнью, и находясь въ такомъ ужасномъ состояніи, я безпокоилъ, какъ было должно, вѣроломную свою измѣнницу, которая была при-

чиною такого моего нещастія.
Но къ моему щастію суждено было перемѣниться моему состоянію, какъ скоро виноватая будетъ наказана, и начнетъ раскаяваться въ своемъ преступленіи. Четыре часа тому назадъ мать моя пришла искать меня въ царствѣ мертвыхъ, гдѣ было мое тѣло. Мой сынъ, сказала она мнѣ, теперь тебѣ кончилось дватцать лѣтъ. Вѣроломная. Розобелла наказана, и теперь я имѣю полную власть располагать тобою. Вдругъ моя мать возстановила прежній мой видъ и перенесла меня въ свой замокъ — сюда, гдѣ обѣщала она выдать за меня свою крестную дочь. Одна только

моя мать знала о моей участи, и когда я еще ничего не зналъ, ей уже извѣстно было то, что неблагодарность одной особы, которую полюблю я нѣжно, возвратитъ меня ея нѣжности и правамъ на меня. Такимъ образомъ все располагала она по своему благоразумію, и я обязанъ ей всѣмъ моимъ щастіемъ.

Что тутъ оставалось дѣлать Розобеллѣ, узнавши, что этотъ прекрасный женихъ былъ тотъ большой звонарь, которому она измѣнила. Она немогла болѣе выносить угрызеній своей совѣсти. Бросается къ ногамъ прекраснаго Генія Азіеля (такъ собственно назывался теперь прежній большой зво-

нарь) и проливая ручьи слезъ, заклинаетъ его простить ей вину и возвратить ей прежній ея видъ. Нѣтъ! нѣтъ! сказалъ ей оттолкнувши отъ себя Геній Азіель; нѣтъ, вѣроломная; было время, что я обожалъ тебя; но ты измѣнила мнѣ... Теперь уже я не прощу тебѣ. Ты употребила во зло мою къ тебѣ довѣренность, и потеряла мой талисманъ, столько для меня важный! ты измѣнила собственнымъ своимъ клятвамъ. Поди, будь вѣчно желта, скитайся, будь предмѣтомъ всеобщаго презрѣнія. Такой участи достойны всѣ неблагодарные и обманщики.

Нещастная Розобелла со

стыда и горести плакала, плакала, столько плакала, что и умерла тутъ же у ногъ Генія и его супруги. Лишь только испустила она послѣдній вздохъ, огненное облако пожрало ея трупъ, и говорятъ, что съ этаго времени слышатъ погребательный звонъ колокола въ той части города, гдѣ родилась Розобелла, въ доказательство, что вѣчно помнитъ его большой звонарь, который прежде любилъ ее самою чистою искренною и постоянною любовью.

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЕЧЕРЪ.

Я долго слушала вашъ споръ, сказала въ одинъ вечеръ моя бабушка садясь съ нами, скажите мнѣ, что Фанфанъ говорилъ брату своему Адольфу: божусь ты золото нашей маминьки, тебѣ она все даетъ, чего ты ни по просишь, а я на противъ *во всемъ отказъ* получаю. Она только на тебя и смотритъ потому, что ты умѣешь ей льстить, безпрестанно осыпаешь ее поцѣлуями. ... Поди сюда Фанфанъ! съ какимъ намѣреніемъ говорилъ ты это брату? Ты не думалъ, что я буду такъ близко; а я на противъ слышала весь вашъ разговоръ. Вотъ ужъ и начинается зависть! а это ми-

ленькой! ужасно не хорошо! Когда я твоихъ братьевъ любила больше тебя? Когда я не равно о всѣхъ васъ заботилась? не ужели *ты* тѣмъ гордишься предъ Адольфомъ, что у тебя личько красивѣе, что тобою больше занимаются нежели имъ? такъ красавчикъ! такъ! вотъ *прекраная склонность* къ вѣтрености, зависти и злости. Поди сюда, Фанфанъ, сядь возлѣ меня; неплачь неплачь! меня эти слезы не трогаютъ они происходятъ отъ того, что неудовольствовано маленькой твоей гордости, а не отъ чистаго раскаянія. Утри свои слезы, говорю я тебѣ, и садись здѣсь возлѣ Адольфа. хорошъ. Послушайте теперь

исторію одного мальчика, которого звали Разсвѣтомъ; онъ думая, какъ ты, что его не довольно любятъ родители, имѣлъ случай испытать ихъ любовь, и тогда увидѣлъ свою ошибку и не смѣлъ уже болѣе того думать.

РАЗСВѢТЪ

СКАЗКА.

У одного отца и одной матери было трое дѣтей, два сына и дочь. Старшаго звали Пропетомъ, а дочь Пропетою. Они всегда были убраны, какъ куколки, и на головахъ были у нихъ завиты кудри, такъ что любо дорого на нихъ смотрѣть. Меньшаго сына звали Разсвѣтомъ за его легкость, живость, расторопность и рачительность къ своему дѣлу. Встанетъ бывало всегда до солнца и дѣлаетъ свое дѣло между тѣмъ, какъ братъ и сестра спятъ либо копаются еще у туалета. Они между собою называли Разсвѣта ча-

сто замарахою; но при отцѣ и при матери никогда не называли его такимъ именемъ.

Отецъ и мать были купцы. Въ праздничные дни запирали они свою лавку и уѣзжали въ свой сельской домикъ за двѣ мили отъ города. Въ эти дни Пропетъ и Пропета одѣвались въ самое лучшее платье, а меньшой братъ Разсвѣтъ надѣвалъ только свой жилетъ и нанковые панталоны, которые всегда уже припасала его нянюшка, какъ скоро ему надобно было ѣхать въ деревню.

Разсвѣтъ принимался, читалъ уже и самыя большія книги и немножко писалъ. Такъ какъ онъ всегда любилъ заниматься и подавалъ о себѣ

великую надежду, то родишели его съ удовольствіемъ позволяли ему запираться въ комнату на цѣлый день. Между тѣмъ какъ двое старшихъ, братецъ и сестра, дѣлали всегда что хотѣли, бѣгали, играли, прохаживались, убирались: родители не примѣчали въ нихъ ничего особливаго. Они страстно любили маленькаго Разсвѣта, а на браша и на сестру смотрѣли съ маленькимъ неудовольствіемъ. О Разсвѣтѣ говорили всегда между собою какъ о необыкновенномъ рабенкѣ, а при немъ ни слова въ похвалу его, чтобъ не подать ему повода презирать своихъ братьевъ. Это заставило Разсвѣта думать, что отецъ и

мать больше любятЪ Пропета и Пропету, нежели его. А тѣ, такЪ какЪ ихЪ почти всегда бранили и заставляли подражать брату, думали, что ихЪ менѣе любятЪ нежели замараху, какЪ они его называли.

И такЪ эти дѣти другЪ другу завидовали. Они думали, что РазсвѣтЪ безпрестанно пишетЪ, да читаетЪ, запершись одинЪ вЪ комнатѣ, а онЪ бѣдный проливалЪ горькія слезы о томЪ, что отецЪ и мать, по его мнѣнію, совершенно его бросили. Теперь замѣтьте, дѣвушки, что РазсвѣтЪ очень ошибался. ОтЪ этаго произошла между ими вражда; я раскажу вамЪ теперь обо всемЪ подробно.

Умышленное банкротство подорвало весь торгъ нашихъ купцовъ и привело ихъ въ совершенное раззореніе. Они принуждены были жить въ своей деревушкѣ и содержать себя продажею собственныхъ кое какихъ вещей. Крайность, до какой доведенъ былъ ихъ домъ, чрезвычайно сильно подѣйствовала на Пропета и его сестру. Имъ должно было отмѣнить излишніе свои наряды: но Разсвѣтъ такъ какъ былъ бережливъ, рачителенъ и довольствовался посредственнымъ, скучалъ только о своихъ родителяхъ, которыхъ часто заставалъ въ слезахъ. Они тосковали о томъ, что не въ состояніи были доста-

вить состояніе всѣмъ дѣтямъ своимъ, какъ бы хотѣлось. Печаль царствовала во всемъ домѣ. Отецъ и мать съ горести ни вочто не входили. Пропетъ и Пропета дѣлали, что хотѣли. Разсвѣтъ сидѣлъ у отца и матери на шеѣ. Видя, что его не лелѣютъ уже болѣе, какъ прежде, и что долженъ онъ много терпѣть отъ своихъ братьевъ, бѣдниинькой однажды поутру вздумалъ пойти искать счастія, чтобы сколько нибудь разсѣять себя, и естьли можно, доставить со временемъ утѣшеніе своимъ родителямъ. Въ этихъ мысляхъ приходитъ къ отцу и матери, и говоритъ, что онъ увидиться съ ними тогда, ког-

да можетъ имъ быть полезенъ; что онъ имѣетъ щастливое предчувствіе скоро къ нимъ возвратиться. Сказавши уходитъ.

Отецъ и мать плачутъ, разставшись съ любезнымъ своимъ сыномъ. Но мы ихъ оставимъ и пойдемъ за Разсвѣтомъ.

Разсвѣтъ не имѣлъ въ виду никакой опредѣленной цѣли. Умѣвши читать и писать, онъ надѣялся опредѣлиться въ услуги къ какому нибудь человѣку, которой при должности, такъ чтобы могъ помогать родителямъ изъ своихъ выслуженныхъ доходовъ. Онъ судилъ какъ ребенокъ. Но намѣреніе похвально. Въ пер-

вый день своего путешествія онѣ сѣлѣ возлѣ ограды одного великолѣпнаго сада, какѣ бы то ни было, подумать погадать. Просидѣвши съ часѣ, что бы не застигла его ночь вѣ дорогѣ, долженѣ онѣ былѣ заранѣе добиваться до ночлега. Сталѣ вставать и оперся рукою на что-то такое, что зашевелилось и запищало. Смотритѣ и видитѣ ящерицу, которую чуть-чуть не задушилѣ. Она держитѣ во рту травяной листочикѣ. Бѣдненькое животное, говоритѣ Разсвѣтѣ, можетѣ быть несешь ты эту травку своему отцу или своей матери! и я непримѣтивши, задавилѣ было тебя; поди, бѣдненькой дружокѣ,

исполни долгъ сыновней любви. Онъ отогрѣлъ ее; ящерица ожила, поползла по стѣнѣ и въ щели сокрылась.

Разсвѣтъ прошелъ нѣсколько впередъ и увидѣлъ на землѣ гнѣздо, которое, казалось, упало съ дерева. Въ немъ лежали молодинькія птички и разинувши свои *ротики* кричали: ки, ки, ки, ки. Какъ прекрасны эти птички, сказалъ Разсвѣтъ; онѣ голодны; онѣ хотятъ ѣсть: и естьли не раздавитъ ихъ какой нибудь прохожій, такъ съѣстъ хищный звѣрь; положить было это гнѣздышко на вѣточку; здѣсь скорѣе его найдетъ бѣдная мать этихъ жалкихъ малютокъ. Ки, ки, ки, ки, — такъ миленькіе мои,

вы увидитесь съ своею маминькою. Вотъ я васъ перенесу сюда.

Беретъ гнѣздо, со всею осторожностью кладетъ его на дерево и идетъ далѣе съ нѣкоторою радостью; потому что онъ видѣлъ мать этихъ птичекъ, какъ она летавши долгое время около дерева и не находя ихъ тужила. Теперь спустилась къ нимъ на вѣтвь съ радостью, и утолила ихъ голодъ, и ки, ки, ки, ки.

Какъ радъ былъ Разсвѣтъ сдѣлавши эти два добрыя дѣла! Между тѣмъ наступала темная ночь, и Разсвѣтъ пришедши къ воротамъ того замка, къ которому принадлежалъ тотъ садъ, возлѣ ограды ко-

торaго лежалъ онъ до этаго; рѣшился постучаться. Къ нему выходитъ безобразная женщина. Что тебѣ надобно дружокъ! говоритъ ему. Прошу ночлега; естьли будетъ ваша милость позвольте ночь переночевать у васъ. Съ охотою миленькой! съ охотою. Ты будешъ здѣсь принятъ очень хорошо. Хозяинъ мой будетъ доволенъ, увидѣвшись съ тобою.

Разсвѣтъ немало удивился такому хорошему пріему и благодарилъ Промыслъ. Добрая старушка привела его въ великолѣпную залу, гдѣ увидѣлъ онъ большаго человѣка, сухаго и блѣднаго, который сказалъ старушкѣ; хорошо Крикуша!

я благодарю тебя, что привела ко мнѣ такое прекрасное дитя. Оно здѣсь со мною отъужинаетъ.

Крикуша исполняетъ волю своего господина, и Разсвѣтъ съ аппетитомъ покушалъ: онъ ѣлъ одинъ, а хозяину этаго замка не хотѣлось ѣсть; онъ только смотрѣлъ на Разсвѣта, неговоря ему ни слова. — Знайте же дѣтушки, что хозяинъ этаго дому былъ плотоядный Прожора, который ѣлъ мальчиковъ. Этотъ злодѣй готовилъ Разсвѣта на ужинъ. Разсвѣтъ началъ это подозрѣвать, услышавши, какъ прожора говорилъ Крикушѣ: принеси мой большой ножъ, а ножъ-то, дѣти, дерево рубитъ какъ яблоко.

Крикуша пошла за ножемъ, а Прожора взялъ Развѣта къ себѣ на колѣни, щупалъ его щечки, ручки и ножки, чтобъ узнать какъ жирна его добыча. Развѣтъ дрожитъ и говоритъ ему: Г. Прожора, не ѣшьте меня, дайте мнѣ напередъ прочесть вечернія мои молитвы. Оставьте меня одного въ маленькой комнатѣ не болѣе какъ на четверть часа. Тогда рѣжьте меня, какъ вамъ будетъ угодно, въ мѣлкіе кусочки.

Прожора не видитъ ничего невыгоднаго для себя въ томъ что согласится на его предложеніе; запираетъ Развѣта въ нижнюю комнату, и говоритъ, что онъ придетъ къ

нему чрезЪ четверть часа, какЪ онЪ самЪ сказалЪ. ТутЪ-то испугался нашЪ маленькой путешественникЪ; онЪ выпросилЪ это время только для того, чтобы сколько нибудь еще прожить на свѣтѣ. Что ему дѣлать? ОнЪ падаетЪ на колѣна, проситЪ милосердаго Бога, чтобЪ избавилЪ его отЪ скорой смерти. ТутЪ слышитЪ онЪ сквозь дверь голосЪ Прожоры: готовЪ ли ты? — Сей часЪ! сей часЪ! отвѣчаетЪ РазсвѣтЪ, и опять молится Богу.

ЧрезЪ минуту Прожора опять говоритЪ: готовЪ ли? — Позвольте еще одну минуту, отвѣчалЪ ему РазсвѣтЪ, а самЪ горько плачетЪ.

Вдругъ чувствуетъ, что что-то на него ползетъ и слышитъ голосъ: молчи-ка! послушай меня. Я та маленькая ящерица, которой спасъ ты жизнь, которую прежде ненарочно чуть чуть не удушилъ, Одна мерзкая волшебница превратила меня въ это животное, и отняла у меня, только на одно время дня, производить въ дѣйство даръ волшебства, которымъ я также одарена, какъ и она; а по захожденію солнца я могу все произвести, что ни захочу. Я пришла избавить тебя отъ опасности, которая теперь угрожаетъ тебѣ. Смотри только исполни точь въ точь, что я ни скажу тебѣ. Когда придетъ сюда

прожора, проси у него послѣдней милости, чтобъ онъ ѣлъ тебя возлѣ ручья, что у него на большомъ дворѣ. Когда будешь ты возлѣ сего мѣста, то бросайся въ воду и я, клянусь тебѣ вѣрностью ящерицы, постараюсь тебя спасти. — Тсъ! онъ идетъ! прощай!

Ящерица исчезла, и вдругъ прожора вдѣваетъ въ замокъ ключь и страшно кричитъ: ну что же? готовъ ли ты? — Готовъ, отвѣчаетъ онъ. Но не откажите мнѣ въ послѣдней милости, позвольте мнѣ напередъ посмотрѣть вашего ручья, я слышалъ объ немъ много чудеснаго. — Что за причудливость! — Нѣтъ я тебя здѣсь съѣмъ. — Тамъ

вы можете лучше съѣсть меня чѣмъ здѣсь! — Тамъ возлѣ ручья вы можете и ѣсть и запивать водою, тѣмъ съ лучшимъ аппетитомъ можно ѣсть. — Ты говоришь правду; я и позабылъ это. — Ну! пойдемъ же со мной.

Прожора ведетъ Разсвѣта на *большой* дворъ; и когда пришли къ ручью, Разсвѣтъ нашъ бросается въ воду къ величайшему удивленію злаго прожоры, который сталъ догадываться, что какая нибудь волшебнница подшутила надъ нимъ; онъ зналъ, что этотъ ручей очарованъ; и естьли что упадетъ въ него, того никакимъ уже образомъ нельзя достать.

Разсвѣтъ дошедши до дна чрезвычайно удивился, что не нашелъ въ ручьѣ ни одной капли воды, но напротивъ василиска, который держалъ восковую свѣчу въ прекрасномъ золотомъ шандалѣ, и говорилъ: малютка! куда васъ провести? На большую дорогу! — Сей часъ будемъ тамъ.

Какъ мигнуть глазомъ, Разсвѣтъ очутился на большой дорогѣ, и не видалъ уже болѣе башенъ того замка, гдѣ прожора хотѣлъ его съѣсть. Тутъ василискъ его оставилъ, давши ему по приказанію генія ящерицы, своей госпожи, фарфоровую коробочку съ драгоцѣнными вещами.

Разсвѣтъ благодаритъ своего проводника, беретъ коробочку и продолжаетъ путь свой, думая, что естьли пошлетъ онъ это сокровище своему отцу и матери, то сдѣлаетъ ихъ щасливыми. Вдругъ призываетъ его неизвѣстный голосъ: Разсвѣтъ! Разсвѣтъ!

Это говорила ему птичка травникъ: ты возвратилъ мнѣ моихъ дѣтокъ, которыя съ гнѣздомъ упали на землю. Я хочу тебѣ за это услужить; и ты можешь мнѣ все, что тебѣ угодно, приказывать. Очень хорошо, любезной травничекъ, отвѣчаетъ Разсвѣтъ, возьми носикомъ своимъ за ручку этой коробочки, и отнеси ее къ моему папинькѣ.

Его называютъ .... Я его знаю, для меня довольно ужъ этаго, что ты дѣлаешь мнѣ препорученіе.

Травникъ скрылся съ коробочкою и полетѣлъ прямо въ домъ къ Разсвѣтову отцу. Онъ находитъ у воротъ Пропета съ сестрою, отдаетъ имъ коробочку и говоритъ: *отнесите ее къ своимъ родителямъ. Имъ прислалъ ее маленькой Разсвѣтъ.*

Травникъ улетѣлъ; братъ съ сестрою смотрятъ на коробочку съ удивленіемъ. Что это такое, говорятъ они? какъ! нашъ маленькой замараха нашелъ себѣ щастіе! Я слишкомъ любопытна узнать, что тутъ спрятано. Вѣрно здѣсь

серебряныя деньги? смотри, какъ тяжело.

Ворочая туда и сюда фарфоровую коробочку, она упустила ее изъ рукъ и разшибла. Вдругъ выходитъ оттуда змѣй и страшно шипитъ: иссъ! иссъ! иссъ! и Пропета, испугавшись, убѣжала въ комнаты съ братомъ, который еще болѣе испугался, нежели она.

Между тѣмъ Разсвѣтъ идетъ далѣе и далѣе, не нарадуясь, что послалъ отцу своему такой гостинецъ. Вдругъ встрѣчается съ нимъ бѣлая курочка, серебренныя перья и говоритъ: мальчикъ! остановись на минуту! ты видишь теперь меня превращенною въ курицу

одною волшебницею, которая разорила весь нашъ домъ: я тетка генія ящерицы, которой спасъ ты жизнь. Примите отъ меня въ благодарность яйцо, въ которомъ спрятаны драгоцѣнныя матеріи. Спасибо тебѣ, курочка! отвѣчалъ учтиво Разсвѣтъ; потомъ опять пошелъ въ путь, желая какъ нибудь и это яйцо переслать домой въ подарокъ: вдругъ является травникъ и говоритъ ему: я здѣсь .... Разсвѣтъ отдаетъ ему яйцо доставить его отцу.

Травникъ прилетаетъ и видитъ опять Пропета и Пропету. Вотъ, говоритъ онъ, яйцо, которое Разсвѣтъ посылаетъ отцу и матери сво-

ей. Яйцо! вскрикнулъ Пропетъ. Ну! прекрасный подарокъ, достойный своего замарахи! — Кажется это яйцо очень свѣжо, говоритъ Пропета, и вдругъ глупая разбиваетъ его, чтобы съѣсть. Но оттуда выходитъ сова и кричитъ какъ попугай. Братъ съ сестрой испугавшись бѣгутъ, какъ и прежде, въ комнаты.

Разсвѣтъ идетъ не останавливаясь; вдругъ пришло ему на мысль пойти въ нѣкоторый большой городъ для пріисканія тамъ себѣ должности, случая заняться какимъ нибудь дѣломъ. Подходя къ оному мѣстечку, увидѣлъ онъ стадо утокъ, которыя

одна за другою шли въ ближнюю хижину. Одна утка отдѣлилась отъ своихъ, смотритъ на Разсвѣта, идетъ прямо къ нему и говоритъ: я двоюродный братъ той ящерицы, которую возвратилъ ты ея роднымъ; ея тетка мнѣ племянница: мы всѣ свои, вотъ тебѣ маленькое зеркальцо. *Оно* чудныя дѣла производитъ. Прошу тебя принять его. Я твой покорнѣйшій и преданнѣйшій слуга, сказавши, закрякала и пошла къ своимъ. Вдругъ откуда ни взялся травничекъ, клюнулъ въ плечо Разсвѣта и говоритъ: что хочешь сдѣлать съ этимъ зеркаломъ? не отнести ли туда, куда отнесъ я коробочку и яйцо?

Разсвѣтъ смотрится въ зеркальце и видитъ себя такимъ красавцемъ, какимъ никогда онъ не бывалъ. Едва узналъ самаго себя. Травничекъ беретъ зеркало, летитъ въ извѣстное мѣсто, и находитъ тамъ опять у воротъ Пропета и Пропету. Вотъ вамъ еще присылка отъ маленькаго Разсвѣта, говоритъ имъ. — Какъ? отвѣчаетъ Пропетъ, зеркало! эка рѣдкая вещь! въ нашей деревушкѣ найдешь этакое копѣйки за четыре. Покажика, покажи, говоритъ ему сестра. Что за нужда. Я поставлю его въ своей комнатѣ. Для красавицъ никогда не бываетъ много зеркалъ! Сказавши, смотрится въ зеркало, и видитъ тамъ

не свое лице, а дьявольскую образину. Пропета закричала и бросила изъ рукъ зеркало, которое и разбилось на тысячу мѣлкихъ частей.

Разсвѣтъ поговоривши съ уткой, пошелъ опять въ свой путь, прыгая отъ радости, что, воротившись, родителей своихъ найдетъ великими богачами. По крайнѣй мѣрѣ, говорилъ онъ самому себѣ, они узнаютъ мое усердіе; узнаютъ разность между мною и моими братцемъ и сестрицею, которыхъ они всегда предпочитали мнѣ. Я бы желалъ теперь быть у нихъ въ домѣ невидимкой и послушать, что-то они говорятъ про меня?

Лишь только выговорилъ онъ сіи слова, какъ слышитъ: малютка! малютка! смотритъ и видитъ кузнечика, зеленаго какъ трава, который говоритъ ему. Я сватъ генія ящерицы, и жертва, такъ какъ и весь нашъ домъ, злой волшебницы. Хочешь ты видѣть своихъ родителей, будучи самъ невидимымъ? Сорви эту былинку и положи къ себѣ въ карманъ камушекъ, который найдешь ты у себя подъ ногами.

Разсвѣтъ послушался кузнечика, положилъ камушекъ въ карманъ своего жилета, потомъ сорвалъ былинку и къ величайшему удивленію увидѣлъ, что былинка превратилась въ летучій прутъ. Такъ,

дѣтушки мои, это все правда. Этотъ прутъ по концамъ имѣлъ крылья. Разсвѣтъ сѣлъ на него верьхомъ, полетѣлъ по воздуху, и вскорѣ очутился въ домѣ своего отца невидимкой и тонкимъ, какъ зефиръ. Пропетъ и Пропета были у воротъ. Они говорили тысячу ругательствъ на малаго замараху. Разсвѣтъ осердился на нихъ; пошелъ къ отцу и къ матери и нашелъ ихъ всѣхъ въ слезахъ. Бѣднинькой нашъ Разсвѣтушка! говорилъ отецъ, онъ только за тѣмъ ушолъ, что думалъ, будто мы его не любимъ. А я, не смотря на всю свою бѣдность, берегу эти часи, чтобъ подарить ему. Бѣднинькой ма-

лютка! говорила мать, онъ думалъ, что я его менѣе люблю, нежели этого лѣнивца Пропета, или эту кокетку Пропету. Но я берегу для него прекрасные шелковые чулки и три прекрасныя косынки. Ахъ! мы ничего объ немъ не слышимъ! и вѣрно уже никогда не услышимъ!

Тутъ Разсвѣтъ узналъ, что посылки его не дошли до нихъ, и навѣрно подозрѣвалъ въ томъ своихъ брата и сестру. Онъ слушалъ еще отца своего, который говорилъ: ну! любезная жена! теперь ничто насъ не можетъ веселить на этой землѣ. Завтра же продадимъ свой домъ, остальное наше

богатство, и который столько намъ милъ.

Пусть Пропетъ и Пропета живутъ, какъ хотятъ, а мы пойдемъ съ тобой въ какую нибудь неизвѣстную сторону и будемъ тамъ оплакивать своего Разсвѣтушку.

Разсвѣтъ не могъ болѣе быть свидѣтелемъ родительскихъ слезъ. Онъ бросилъ свой крылатый прутъ, отъ котораго онъ былъ невидимъ, и сказалъ: нѣтъ, папинька! нѣтъ, маминька! не оставляйте этаго любезнаго жилища. Я имѣю добрыхъ людей и надѣюсь доставить вамъ средство содержать себя и весь домъ. . . . Я не знаю, что-то значитъ этотъ каму-

шекъ, который дала мнѣ одна добрая фея: но. . .

Говоря сiи слова, Разсвѣтъ опустилъ руку въ карманъ своего жилета, и какъ онъ удивился, нашедши у себя въ карманѣ вмѣсто камня слитки серебра и золота, алмазы, рубины, изумруды и яхонты. И сколько ни выкладываетъ горстью на столъ, все еще въ карманѣ много: такъ точно, какъ изъ текучаго ручья сколько ни черпай воды, все еще сколько же будетъ оставаться.

Въ это самое время, какъ удивленные симъ чуднымъ происшествiемъ отецъ и мать осыпали его поцѣлуями, взошли въ комнату Пропетъ и

Пропета. Они закричали: замараха здѣсь, съ такимъ богатствомъ!

Но что ни возьмутъ въ руки Пропетъ и Пропета, все вдругъ превращается въ грязный кусокъ земли съ большими червяками. Вдругъ отворяется дверь и великое множество кавалеровъ и дамъ входятъ къ нимъ съ различными привѣтствіями. Я Геній Лезаръ, говоритъ величественнѣйшій изъ нихъ: жестокой злодѣй превратилъ насъ всѣхъ на десять лѣтъ, меня въ ящерицу, сестру мою въ травника, тетку мою въ курицу, моего двоюроднаго брата въ утку, сестру двоюродную въ кузнечика. Сей часъ кончилось это

урочное время, и теперь каждый изъ насъ получилъ прежній свой видъ. Добрые, щастливые родители! поздравляемъ васъ съ возвращеніемъ благодѣтельнаго вашего сына Разсвѣта. Мы благодаримъ его съ своей стороны и желаемъ ему жить сто лѣтъ, быть богату и не знать никакихъ непріятностей. Но Пропета и Пропету надобно наказать. Они разшибли маленькую фарфоровую каробочку, наполненную драгоцѣнными каменьями, яйцо съ дорогими парчами, и зеркало для узнаванія друзей и непріятелей. Все это присылалъ вамъ сынъ вашъ Разсвѣтъ. Но такъ какъ злой человѣкъ все портитъ, что

ни возьметъ въ свои руки, то и для нихъ коробочка обратилась въ змѣевъ, яйцо въ сову, а въ зеркалѣ Пропета увидѣла свою душу, которая подобна дьяволу.

Геній Лезаръ притронулся къ Пропету и къ сестрѣ его, и вдругъ Пропетъ превратился въ мерзкую собаку, а Пропета въ большую черную кошку, которая замяукавши побѣжала въ хлѣбной анбаръ.

Разсѣтъ и его родители приведены были въ крайнее изумленіе, но Геній Лезаръ былъ уже неумолимъ, сколько ни просили его, чтобъ простилъ виноватыхъ. Для добраго волшебника сдѣланъ былъ праздникъ, который продолжался

восемь дней. Во все это время гостили у нихъ эти гости.

Разсвѣтъ доставилъ щастіе своимъ родителямъ, а самъ во всю жизнь безпрестанно скучалъ о томъ, что сомнѣвался прежде въ родительской къ себѣ любви и нѣжности.

ПЯТЫЙ ВЕЧЕРЪ.

Я хотѣла нынче похвалить васъ всѣхъ, дѣтушки мои, сказала намъ однажды бабушка, за то, что вы всѣ были умны: всѣ вы теперь любезные мои внуки; одинъ только изъ васъ, естьли не ошибаюсь Лукъянъ, билъ на заднемъ дворѣ большую собаку кулаками и ногами за то, что, когда онъ проходилъ мимо ея конуры, она вырвала у него изъ рукъ кусокъ хлѣба, намазаннаго масломъ. Я не люблю того, кто по напрасну бьетъ скотину, и я бы еще поблагодарила барбоса, естьлибъ онъ укусилъ этакого шалуна. Но барбосъ добръ: онъ не хотѣлъ употребить во зло своей силы.

Скажи, ЛукЪянЪ, кто тебя научилЪ безЪ всякой причины бить бѣдную собаку? — Маминька! нашЪ сосѣдЪ сказалЪ мнѣ: побей, братЪ! своего барбоса: онЪ меня всегда кусаетЪ. — Бить барбоса! ахЪ! Боже мой! такому-то добру учишься ты у своего сосѣда!

Видно, что этотЪ негодной мальчишка сЪ тѣмЪ только и ходитЪ сюда, чтобЪ научить васЪ своимЪ шалостямЪ и поселить во всѣхЪ васЪ свой мерзкой характерЪ. ЧтобЪ впредь и ноги его здѣсь не было, слышите? УжЪ я навѣрное знаю, что или братЪ его сей часЪ сюда придетЪ, или сестра; нѣтЪ! я скоро отучу отЪ своего двора эту

шайку. — Этотъ случай, дѣти! привелъ мнѣ на память одну очень коротенькую исторію, которую я такъ хорошо помню, какъ теперь слышу, хотя разсказывали мнѣ еще маленькой, когда я была сама въ ваши лѣта.

ХРОМАЯ КРЫСА,

СКАЗКА.

Жилъ былъ одинъ человѣкъ, котораго прозвали Тычининымъ; въ самомъ дѣлѣ онъ былъ высокъ, какъ долгая жердь, а тонокъ, какъ веретено. Тычининъ былъ поваромъ у одного знатнаго человѣка, который былъ у всѣхъ въ великомъ уваженіи. И такъ Тычининъ, мы теперь будемъ объ немъ говорить, имѣлъ у себя чуланъ для говядины, масла и всякихъ съѣстныхъ припасовъ. Примѣчаетъ онъ, что завелась у него въ чуланѣ какая-то гадина, которая каждый день портитъ у него поклажу.

Однажды началъ онъ въ чуланѣ шарить, не отыщетъ ли

какой нибудь мышки, и въ самомъ дѣлѣ нашелъ большую черную крысу, которая свернувшись, сидѣла въ уголку. Ахъ! проклятая! ты-то у меня ѣшь окороки и сыры; постой же! вотъ я тебѣ теперь отплачу за все: я убью тебя. — Не бѣй меня, проговорила умильно крыса: сжалься надъ моею старостью и моимъ безсилiемъ; — я и стара и хрома на лѣвую ногу, и крива правымъ глазомъ. — Однакожъ, говоритъ онъ, какъ мнѣ кажется, у тебя носъ чутокъ и губа не дура. — Правда! этого я еще не лишена. Но послушай! естьли ты меня не убьешь, то я сдѣлаю тебя щастливымъ. — Ну, говори! Ты

обѣщаешся не дѣлать мнѣ никакого зла? — Обѣщаюсь. — И не выгонишь меня отсюда? — Нѣтъ, не выгоню. — И будешь кормить меня ветчиною и сыромъ? — Изволь, съ охотою. — Ну такъ хорошо, смотри на эту полку; тутъ стоитъ корзина, которая вчера чрезъ почту прислана твоему барину. Любопытство и жадность, прости этой мой слабости, завели меня на эту полку, и я у корзины прогрызла уголокъ и влезла туда, думая поживиться чиненою курицею. Но что вышло наконецъ? Я нашла тамъ одни куски золота. Вѣрно это отъ кого нибудь твоему барину прислано въ гостинецъ? Возьми себѣ, мой

другъ, это золото; а на мѣсто его наклади шпикованныхъ Индѣйскихъ пѣтуховъ; а баринъ твой право не узнаетъ твоего проворства. Тычининъ нашъ умѣлъ попользоваться совѣтомъ хромой крысы, деньги вынулъ, а на мѣсто ихъ наклалъ куръ, которыхъ сжаривши на вертелѣ, подалъ на столъ къ обѣду своему барину. Не подавши ни малѣйшаго подозрѣнія въ воровствѣ, Тычининъ служитъ да служитъ у него и все былъ поваромъ. Слово, данное хромой крысѣ, сдержалъ во всей строгости. Но она слишкомъ уже стала вольничать и навела къ себѣ въ чуланъ множество своихъ подругъ, другихъ крысъ;

ступайте сюда, милыя мои! говорила она имъ, живите со мною! А у меня прекрасная квартира: я живу какъ въ своемъ собственномъ домѣ; ничего не будетъ вамъ не доставать: ветчины, окороковъ, масла, сыра Пармезана, словомъ, всего довольно.

Шайка крысъ накопилась, и столько стали дѣлать пакостей, что Тычининъ не радъ уже былъ и хромой мыши. Что это за шайка, сказалъ онъ ей однажды, сколько навела ты ихъ сюда? Извини мой милый, говоритъ она ему: это вся моя фамилія, это дѣти мои и внучата. Я ужъ стара, слаба, мнѣ нужно утѣшеніе, мнѣ нужна помощь. Что гово-

ришь ты мнѣ объ утѣшеніи и помощи, вотъ я дамъ тебѣ утѣшеніе! естьли ты не прогонишь этихъ объѣдалъ, то я вездѣ наставлю мышеловокъ, и за одинъ разъ иныхъ переловлю, а другихъ убью. — Пожалуй, не будь такъ жестокъ! обѣщайся не выгонять отсюда мою родню, такъ я открою тебѣ важный секретъ! Какой это? — Даешь слово? — Будь увѣрена!

Вчера стали мы грызть стѣну, чтобы развести въ ней свои гнѣзда, и нашли маленькую коробку, въ которой вѣрно что нибудь драгоцѣнное хранится. Баринъ твой старикъ скупой; можетъ быть, онъ спряталъ тутъ свое золото;

а коробочка мнѣ показалась очень тяжела. Поди сюда, смотри въ эту щель! Тычининъ въ самомъ дѣлѣ видитъ какую-то коробочку, беретъ ее и съ поспѣшностію раскрываетъ. Какая радость! прекрасное брильянтовое ожерелье! Тутъ благодаритъ онъ хромую крысу и позволяетъ всему ея семейству все, что ни хотятъ, грызть.

Между тѣмъ эти крысы почувствовали необходимость расплодить родъ свой болѣе, и самцы, не довольствуясь своими крысами, навели изъ чужихъ фамилій; цѣлую дюжину пригласили къ себѣ изъ ближней конюшни. Онѣ тамъ исхудали, а тутъ наше мѣстечко

тепленькое, уютное и жирненькой кусочикЪ. Ба! ба! сказалЪ ТычининЪ самому себѣ, любезный другЪ мой, хромая крыса, видно вздумала явно во зло употреблять мое простодушіе и снисходительность. — Эй! хромая крыса! гдѣ ты? — Я здѣсь. — Ты уже заполонила меня съ своими крысами: моихЪ запасовЪ мало становится для однихЪ васЪ. Эка гурьба! сей часЪ же чтобЪ не было этихЪ шлюхЪ, или я принасу для нихЪ двухЪ черныхЪ кошекЪ нашей барыни. — Злодѣй! не уже ли не знаешь ты, что эти миленькія мышки жены моихЪ дѣтей и внучатЪ? Это мои невѣстушки. И ты хочешь лишить меня послѣд-

наго утѣшенія. Естьли ты хочешь отнять у меня это сокровище: то лучше выколи мнѣ послѣдній глазъ. — Право! я не слушаю твоихъ доводовъ; надобно.....Надобно тебѣ молчать и насъ не безпокоить, естьли хочешь, чтобъ я еще чѣмъ нибудь тебѣ услужила.— Хорошо! посмотримъ, что она сдѣлаетъ?—Служанка Жанетта положила подъ поломъ въ боковой горницѣ въ шелковомъ мѣшечкѣ богатый кладъ. Я это узнала, бѣгавши тамъ. — Ты говоришь правду? — Поди въ комнату, подними осьмую тесницу отъ лѣвой стѣны, и тогда узнаешь, обманула ли я тебя.

Тычининъ отъ радости

бѣжитъ узнать, правду ли сказала ему хромая мышь, и нашелъ въ самомъ дѣлѣ на томъ мѣстѣ золото, и хотя уже совѣстно ему было столько воровать, но поддѣлъ кладъ Жаннеты и крысъ оставилъ въ покоѣ.

Черезъ мѣсяцъ невѣстки хромой крысы щенили мышенковъ. Семейство ихъ такъ размножилось, что Тычининъ хоть и ноги не показывай въ чуланъ. Они расплодились, какъ бобы, и не льзя было ступить ногой, чтобъ двухъ или трехъ не задавить. Тычининъ взбѣсился, кличетъ хромую крысу. Негодница! говоритъ ей, мнѣ за тебя нынче голову вымыли. Кто ни взойдетъ въ

чуланъ, бранитъ меня за мое нестараніе и лѣность, что развелъ столько крысъ. Есть-ли вы сего же дня не выйдите всѣ отсюда, то я васъ всѣхъ переморю.—Бѣдинькой! ты думаешь меня этимъ испугать? Развѣ ты не знаешь, что я знаю всѣ твои проказы, скажу только слово твоему барину о корзинѣ съ золотомъ, о коробкѣ съ брильянтами, о кладѣ Жанеттиномъ, и ты пропалъ; но я не хочу дѣлать тебя нещастнымъ, только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ и ты насъ кормилъ. Я тебѣ скажу что-то: знаешь ли, что сказавши одно слово, я могу сдѣлать тебя также богатымъ и такъ славнымъ, какъ те-

перь твой баринъ? — Скажи пожалуйста, что такое? — Мы нашли въ хлѣбномъ анбарѣ въ самомъ верьху шкатулку за печатью. Въ ней хранится планъ всего заговора, за которой будетъ судимъ твой баринъ, какъ преступникъ Царскихъ законовъ и возмутитель. Онъ это *хранитъ тамъ, боясь,* чтобъ не вышло наружу. Поди скажи ему, что ты объявишь это правительству. — Онъ отдастъ тебѣ все свое богатство, только чтобы ты никому объ этомъ не говорилъ — и ты будешь щастливъ. Тычининъ огорчился этимъ ея совѣтомъ, поблѣднѣлъ и сказалъ хромой крысѣ: злодѣйка! ты все дѣлаешь

меня преступникомъ. Этотъ послѣдній опытъ открываетъ мнѣ глаза; онъ доказываетъ, что пагубно водиться съ злыми; что они для того только бываютъ услужливы, чтобъ тѣмъ уловить другихъ и погубить, и что отвѣчать имъ равною благосклонностью, значитъ, сдѣлаться подобнымъ имъ преступникомъ. Сей же часъ убью тебя и все твое племя.

Вдругъ беретъ Тычининъ дубинку, началъ размахивать во всѣ стороны, на право на лѣво, вверьхъ и внизъ, перебилъ всѣхъ мышей и хромую крысу. Сдѣлавши свое дѣло, пошелъ,—бросился въ ноги своему барину, признается ему въ сво-

емъ воровствѣ, подаетъ ему куски золота, брильянтовое ожерелье и клянется отдать Жанеттѣ все ея золото, сколько онъ ни нашелъ. Хозяинъ его сперва разсердился; но мало по малу утихъ, простилъ ему за его признаніе и далъ ему знатную сумму денегъ, такъ, что онъ могъ честнымъ образомъ провести остальную свою жизнь во всякомъ довольствѣ.—

ШЕСТОЙ ВЕЧЕРЪ.

Моя бабушка идетъ однажды въ свою комнату и крѣпко тащитъ за ухо одного изъ моихъ братьевъ. Какъ, Лилей! говоритъ она ему, осмѣлился ты чужому человѣку разсказывать обо всемъ, что ни дѣлается у насъ, обо всемъ, что у меня ни есть? — Какой негодной болтунъ? Ну хорошое ли это дѣло? ты сказалъ ему, что у меня есть двадцать четвериковъ чечевицы, и потому одна наша сосѣдка пришла меня просить подѣлиться съ нею. Я ей отказала, а она на меня разсердилась, обвиняля меня въ гордости и безчеловѣчіи, и всѣмъ въ деревни разсказала, что я живу толь-

ко для себя, а ни съ кѣмъ ни въ чемъ не дѣлюсь. Какой негодникъ! есть ли бы я и много имѣла съѣстныхъ припасовъ, то не должно ли бы мнѣ напередъ сберечь это для васъ же: вѣдь скоро придетъ зима? И для чего то говорить другимъ, что бы я ни дѣлала? Вотъ знайте же, мои милые, что я не буду къ вамъ такъ откровенна и все отъ васъ спрячу на замокъ, чтобы не опасаться болѣе никакихъ слѣдствій вашего любопытства и болтливости.—Вы не знаете, что случилось съ однимъ мальчикомъ болтуномъ. Садитесъка да слушайте.

ПѢВЧАЯ КУКЛА,

СКАЗКА.

Въ нѣкоторомъ Царствѣ жила одна честная женщина, которая, будучи при смерти, призываетъ къ себѣ своего сына осьми лѣтъ и говоритъ ему: Томисъ (такъ звали сына)! когда я умру, то ты возьми этотъ бумажный футляръ, который лежитъ на моемъ комодѣ, и отнеси къ моей кумѣ, волшебницѣ Тонтонѣ. Она, я надѣюсь, возметъ тебя на свои руки. Смотри же, не забудь моихъ словъ, будь покоренъ и слушайся малѣйшихъ ея приказаній, потому что она только одна можетъ для тебя быть то же, что я.

Томисъ заплакалъ; и когда его мать скончалась, онъ взялъ на плеча бумажный футляръ и пошелъ искать волшебницы Тонтоны, которая жила въ ближчемъ лѣсу. Онъ стучится въ дверь: тукъ, тукъ, тукъ. — Кто тамъ? — Маминька! вашъ крестной сынъ Томисъ; моя маминька умерла и я несу вамъ футляръ. Поди сюда, душинька! я знаю, что это значитъ! Ахъ, какая жалость! тебѣ нѣкуда дѣваться: нѣтъ ни папиньки, ни маминьки, не правда ли? Останься у меня; я стану тебя воспитывать, какъ своего роднаго сына; тебѣ будетъ что пить и ѣсть. Я постараюсь наградить тебя щастіемъ. Надобно, чтобъ ты

былЪ когда нибудь человѣкомЪ, какЪ твой покойный папинька, и чтобы ты былЪ полезенЪ своимЪ соотечественникамЪ. Но скажи, будешь ли ты уменЪ? —Буду, маминька! — Я тебя объ одномЪ только прошу: не говори никому чужому ничего, что ты ни увидишь, что ни услышишь у меня. — НѣтЪ, маминька, не буду. Я знаю, что малому неприлично все безЪ разбора болтать, особливо о томЪ, что дѣлается дома. — Хорошо, миленькой! ты разумно говоришь. За это я стану тебя любить, нашью тебѣ прекрасныхЪ жилетовЪ, куплю шелковые чулки и вЪ карманЪ маленькія часики, которыя будутЪ все тикЪ, такЪ, тикЪ,

такъ, тикъ, такъ; ну доволенъ ли ты этимъ?—Доволенъ, маминька!

Волшебница Тонтона поцѣловала его въ лобокъ, дала ему позавтракать, а сама пошла къ воротамъ, взять въ горницу футляръ, которой онъ принесъ. Томису захотѣлось узнать, что было въ этомъ футлярѣ; но у матери своей не смѣлъ спросить. Прошло нѣсколько дней, и добрая волшебница такъ хорошо обходится съ Томисомъ, такъ любитъ его, что онъ позабылъ все свое горе. Всякое утро онъ учится, а вечеромъ играетъ возлѣ лѣсу съ малыми ребятами, своими сверстниками. Изъ этихъ мальчи-

ковъ двое чрезвычайно подружились съ Томисомъ, и онъ самъ очень ихъ полюбилъ. Но къ несчастію Томисъ не зналъ, что эти двое братьевъ были дѣти одного лѣшаго, который былъ вѣчный врагъ волшебницѣ Тонтонѣ.

Добрая волшебница совершенно не знала, что негодной лѣшій, чтобъ сыграть ей шутку, посылалъ всякой день своихъ дѣтей играть съ маленькимъ Томисомъ; въ противномъ случаѣ она конечно взяла бы свои мѣры, и остерегла бы его отъ такого худаго товарищества. Лѣшонки, смотря на отца, и сами уже привыкали ѣсть людей. Такъ какъ они любили ѣсть человѣ-

ческое мясо, а другихъ своихъ товарищей затащить къ себѣ были безсильны: то вздумали поймать въ свои сѣти маленькаго Томиса, увести къ себѣ домой и тамъ его съѣсть.

Послушайте, дѣти! какъ глупенекъ былъ Томисъ! онъ самъ всегда ходилъ за ними, разсказывалъ имъ, какъ принятъ онъ доброю волшебницею Тонтоною, къ которой принесъ онъ какой-то маленькой футляръ. Какъ! это ты, говорили они ему, по сю пору не знаешь, что въ футлярѣ спрятано? Естьли бы мы были на твоемъ мѣстѣ, то мы бы еще дорогой посмотрѣли; а ты боишся взойти въ комнату своей ма-

миньки и посмотрѣть его? — Неправда ли, что ты самъ посмотрѣвши и намъ скажешь? Мы умремъ со скуки, естьли не узнаемъ.

Томисъ далъ слово удовлетворить и своему и друзей своихъ любопытству. Однажды, когда мать его была въ другомъ флигелѣ, взошелъ онъ въ ея комнату; тамъ на комодѣ лежалъ футляръ; Томисъ раскрылъ его и къ удивленію своему ничего не нашелъ. Послѣ разсказалъ это все своимъ товарищамъ, которые говорятъ ему: надобно думать, что тамъ лежала какая нибудь драгоцѣнная вещь! ты посмотри-ка въ ея шкапу; будучи на твоемъ мѣстѣ, я бы

вездѣ перешокалъ. И если ли мать твоя умираючи, оставила этой старушкѣ какое нибудь сокровище: то она приберетъ его къ своимъ рукамъ, и ты ничего не получишь.

То, что мать отказала имѣніе, и что волшебница Тонтона удержитъ его у себя, столько разгорячило маленькаго Томиса, что онъ положился узнать, что тамъ такое было, во что бы ему ни стало. Когда кресшная его мать вышла куда то изъ комнаты, онъ сталъ вездѣ шарить; и какъ онъ удивился, когда, подошедши къ ея шкапу, услышалъ, что тамъ кто-то поетъ точно какъ человѣкъ. Какъ это узнать? Не уже ли кто тамъ

заперт? — Томисъ слушаетъ, и ему слышится женскій голосъ, когда поютъ они во все горло съ разкатами, какъ бываетъ на театрѣ. Томисъ разказываетъ объ этомъ своимъ друзьямъ, и лѣшонки заставляютъ его отворить шкафъ и посмотрѣть, что тамъ за чудо? —

Волшебницѣ Тонтонѣ надобно было явиться въ полное собраніе всѣхъ волшебницъ за тритцать шесть тысячь пять сотъ девяносто семь миль отъ своего дому. Въ этомъ путешествіи надобно было ей провести два дни. И такъ оставляетъ домъ свой на Томиса, садится на огненную свою лошадь и въ полсекунды очути-

лась на мѣстѣ. Томисъ теперь одинъ.

Онъ радъ этому случаю. Но какъ узнать этотъ секретъ? Волшебница Тонтона ключь отъ шкафа взяла съ собою. И комнату даже заперла, чтобъ Томисъ туда не ходилъ. О такой неудачѣ онъ сообщилъ своимъ друзьямъ, *которые* и дали ему желѣзный волшебный прутъ, передъ которымъ ни какой замокъ не можетъ устоять.

Томисъ идетъ домой.—Пришедши ударилъ своимъ прутомъ въ дверь комнаты, и они растворились. Лишь только взошелъ, уже слышитъ въ шкафу пѣніе и гораздо сильнѣе, нежели какъ прежде. До-

трогивается прутомъ къ шкафу, и шкафъ отпирается, и Томисъ видитъ, къ величайшему своему удивленію, прекрасную богато убранную куколку вышиною въ столовую ношку. Она стояла на полкѣ; она поводитъ руками, глазами и ртомъ, качаетъ головою на право и на лѣво довольно забавно. Наконецъ пропѣла всѣ напѣвы Италіанскаго театра. Хотя собой и мала, но голосъ имѣетъ разительный и плавный, какъ у свирѣли. Томисъ пристально на нее смотритъ, и ему очень понравились три, или четыре ея аріи.

Томисъ сперва испугался; но потомъ осмѣлившись подошелъ къ ней, взялъ въ руки и

положилъ на столъ, гдѣ она и стала плясать Ригодо и дѣлать Антраша, какъ славная Вестрисъ. Она не говорила ни слова, хотя Томисъ напрасно и долго ее спрашивалъ. Куколка перестала выговаривать слова изъ своей пѣсенки, а выводила только одни тоны. — Такъ; агъ, агъ, агъ, ги, ги, ги, егъ, егъ, егъ, го, го, го; а потомъ трайлеле, трайлеле.

Томисъ долго забавлялся этою драгоцѣнною игрушкою. Послѣ того положилъ ее опять въ шкафъ на прежнее мѣсто, и побѣжалъ къ хитрымъ лѣшонкамъ объявить имъ о своемъ открытіи. Они гонятъ его домой, чтобы принесъ имъ показать пѣвчую куколку. Томису

не хотѣлось итти домой. И онъ обѣщалъ имъ показать ее вечеромъ.

Между тѣмъ лѣшонки побѣжали сказать объ этомъ своему отцу. Ну, браво, сказалъ имъ отецъ, теперь извѣстенъ весь секретъ Тонтоны. Я знаю, что талисманъ ея, помощію котораго дѣлала она столько чудесъ, теперь въ моихъ рукахъ. Знаете ли вы дѣти, что эта кукла сообщаетъ ей столько могущества. Этой игрушкѣ должно было безгласною быть до самой смерти Томисовой матери; тогда опредѣлено ей пѣть, когда понесутъ ее къ волшебницѣ Тонтонѣ. И по мѣрѣ, какъ она будетъ пѣть, волшебница будетъ стано-

виться могущественною. Но какъ скоро изъ ея дому вынесть этотъ талисманъ, она потеряетъ всю свою силу и будетъ моею жертвою. Ступайте, употребите всѣ свои силы, только чтобы достать у Томиса пѣвчую куклу, и принесите ко мнѣ.

Лѣшонки обѣщались исполнить волю отца своего и пошли къ лѣсу ждать Томиса съ прекрасною его игрушкою. Между тѣмъ Томисъ видя, что уже наступаетъ вечеръ, ударилъ прутомъ въ шкафъ и взялъ куклу, положилъ ее на мраморной столъ передъ большимъ зеркаломъ. Кукла, какъ будто предчувствуя его намѣреніе, поправляетъ у себя на

головѣ парикъ, надѣваетъ кисейную шаль по послѣдней модѣ, и запѣла снова по соловьиному. Томисъ насмотрѣвшись на нее хорошенько, беретъ на руки, идетъ со двора, запираетъ ворота и летитъ на то мѣсто, гдѣ ожидаютъ его дѣвчонки. Съ ними было еще нѣсколько мальчиковъ въ ихъ лѣта. Всѣ мальчики любопытствуя видѣть, сошлись изо всей деревни. Вообразите дѣвушки! какъ всѣ они утѣшались, послушавши пѣніе куколки, посмотрѣвши на ея пляску и различныя движенія. Каждый изъ нихъ смотрѣлъ на нее со всѣхъ сторонъ; всѣ удивлялись, всѣ говорили, что кому пришло въ голову.

Наконецъ настала ночь. Время разходиться. Всѣ пошли по своимъ домамъ, хотя и не охотно. Только Томисъ оставался съ двумя лѣшонками. Эти подлѣцы не выпускали куклы изъ своихъ рукъ. Вдругъ сверьхъ всякаго ожиданія со стороны Томиса явилась прекрасная лошадь; лѣшонки вспрыгнули на нее и полетѣли съ игрушкою, не смотря на крикъ и слезы Томисовы, и скрылись.

Что осталось дѣлать нашему бѣднячку? Онъ слишкомъ поздно почувствовалъ свою оплошность и залился горючими слезами. Идетъ въ комнаты своей крестной маминьки. Но, вотъ чудо! не находитъ уже болѣе ея дому. На

его мѣстѣ лежитъ куча камней, похожая на какія нибудь развалины. Ахъ! я погибъ, говоритъ онъ самому себѣ. Я раззорилъ свою маминьку. Мнѣ должно умереть.

Сказавши, пошолъ сквозь ночь по кустарникамъ и перелѣскамъ искать пропасти, куда бы броситься. Между тѣмъ, какъ онъ рыдалъ ужаснымъ образомъ, случилось проходить мимо его какому то человѣку, который спросилъ у него: малютка! кто ты таковъ? Ахъ! я сдѣлалъ страшную вину. Я потерялъ маминькину пѣвчую куколку. — Пойдемъ со мной, я тебѣ ее найду. — Не ушто? — Я знаю, гдѣ она; вить я волшебникъ; этого уже для тебя довольно.

Вотъ Томисъ и еще сдѣлалъ глупость? Идетъ за незнакомымъ человѣкомъ: ночь была самая глубокая. Идетъ и самъ не знаетъ за кѣмъ. Приходитъ наконецъ къ воротамъ одного дому, который какъ двѣ капли воды походитъ на замокъ. Старушка отворяетъ имъ дверь, и *лѣшій*, это былъ онъ самъ, толкаетъ Томиса во внутренность дома, куда давно онъ старался его заманить. Теперь разсматриваетъ Томисъ своего проводника, и видитъ огромнаго человѣка, у котораго глаза сверкали, какъ огонь, съ густою черною, какъ чернила, бородою. На головѣ у него превысокій колпакъ съ перьями, какъ у Швейцара, въ

черномъ платьѣ, которое покрывало козлиныя его ноги, такъ вонючія, хоть носъ затыкай. Отведите этаго мальчика въ мое подземелье, сказалъ онъ старушкѣ. Онъ сдѣлалъ нещастною крѣстную свою мать. Онъ слишкомъ влюбился въ пѣвчую куклу. Пусть слушаетъ ея пѣніе, но ее никогда не увидитъ.

Сказано и сдѣлано. — Проклятая старуха запираетъ бѣднаго Томиса въ темную комнату, гдѣ онъ слышитъ непрестанно пѣвчую куклу, которая, казалось ему, отдѣлена была отъ него одною перегородкою. Сколько я виноватъ, говорилъ самъ себѣ Томисъ, будучи на единѣ, да-

еноли эта игрушка была въ моихъ рукахъ. Я могъ, когда захотѣлъ, возвратиться домой; а теперь, будучи столько глупъ, что показалъ ее негоднымъ шалунамъ. Я лишился всего; можетъ быть, погубилъ и свою маминьку и заслужилъ весь ея гнѣвъ. Теперь я въ рукахъ лѣшаго, который непремѣнно меня съѣстъ! Ахъ! я это заслуживаю; я достоинъ этого!

Томисъ залился опять слезами, и послѣ нѣсколькихъ часовъ онъ видитъ, отворяется дверь. Входятъ лѣшонки, зубоскалятъ и смѣются надъ нимъ: а! а! говорятъ они ему, попался болтунъ? Ты еще не зналъ нашу братью; ты ду-

малъ найти въ насъ простяч-ковъ! Знайже, что мы дѣти того лѣшаго, который попался тебѣ въ лѣсу. Мы любимъ свѣжее мясо, и мы бы сей же часъ тебя съѣли, но намъ хочется сберечь тебя на завтракъ. — Пожалуйте съѣшьте меня скорѣе. — Нѣтъ! мы хотимъ, чтобъ ты еще помучился. — Я васъ прошу, съѣшьте. — Нѣтъ! тебѣ еще рано умирать. — Сжальтесь надо мною, не мучьте меня, теперь же съѣшьте. Нѣтъ! еще не пора.

Злые лѣшонки уходятъ отъ него, и Томисъ остается еще на сутки. Ему даютъ только маленькой кусочикъ хлѣба, да немножко воды. Поутру входитъ къ нему лѣшій, тащитъ

его за руку и говоритъ: ступайка другъ, пришла твоя очередь. Помоляся Богу, пойдемъ за мной.

Томисъ бросается на колѣни, проситъ Бога и свою крѣстную мать, чтобы простили ему вину. Потомъ дрожа идетъ за лѣшимъ, который вышедши изъ дому, понесъ его на вершину скалы, обросшей мхомъ, у подошвы которой въ грязи кишатъ мерзскія гадины, высовывающіяся изъ воды головами, какъ то: жабы, ужи, крокодилы и треглавые змѣи. Всѣ эти звѣри, которыхъ видишь ты, говорилъ Томису лѣшій, — мои дѣти. Твоя крѣстная мать, злая волшебница Тонтона, превра-

тила ихъ въ такой видъ. Ты долженъ теперь быть добычею этихъ моихъ лѣшонковъ. Они любятъ свѣжее мясо; и что высовываютъ они ко мнѣ голоры, чрезъ это они просятъ меня, чтобы я бросилъ тебя къ нимъ.

Бѣдниинькой Томисъ замеръ отъ страха. Лѣшій беретъ его за ногу, и поднявши на воздухъ замахнулся бросить его въ грязь.—Ахъ! въ эту пропасть! закричалъ Томисъ, маминька моя любезная! ахъ! гдѣ ты теперь?

Вдругъ, откуда ни взялась, летитъ по воздуху старушка на крылатомъ котѣ, какъ мигнуть глазомъ, налетѣла на злаго лѣшаго и ударила

его своимъ прутомъ. Лѣшій вдругъ превратился въ камень. Волшебница Тонтона, это была она, беретъ за мертва Томиса на руки, и начинаетъ говорить этому злодѣю, который чуть чуть не пожралъ ея крестнаго сына.—Мерзской козелъ! черная душа и не чистая, какъ вода этой лужи! не ужели ты думалъ, что я не сильна болѣе продолжать своего мщенія на весь твой родъ? Знай, что естьли бы, по глупости этаго дитяти, лишилась я пѣвчей куклы; то я нашла бы для себя другой талисманъ. Въ совѣтѣ волшебницъ, откуда я теперь возвращаюсь, избрали меня предсѣдательницею. Съ этимъ до-

стоинствомъ я получила всю свою прежнюю власть. Такъ какъ ты любишь угождать только своему брюху, любишь только обжираться; то я хочу дать тебѣ видъ сходственный твоему скотскому нраву; будь поросенкомъ на двѣ тысячи лѣтъ.

Волшебница Тонтона ударила лѣшаго, и онъ вдругъ превратился въ борова, захрюкалъ, хрю, хрю, хрю, и побѣжалъ въ болото. Лѣшонки прибѣжали просить Тонтону за своего отца: она превратила ихъ въ поросятъ, и они побѣжали за своимъ отцомъ. Управившись такимъ образомъ съ своими злодѣями. Тонтона поставила на землю своего То-

миса, который ужасно испугался, и стала его бранить: Такъ-то! милый мой! отвѣчаешь ты за мое расположенiе, я приняла тебя, какъ сына, и ты поступилъ такъ противъ меня! унесъ мой драгоцѣнный талисманъ и отдалъ его негоднымъ лѣшонкамъ? Знай, что отъ этой игрушки зависило все мое щастiе, и я теперь былабы совершенно погибшая, естьли бы въ совѣтѣ волшебницъ не дали мнѣ перваго мѣста въ волшебствѣ. Я сдѣлала нѣкогда эту куклу: она пѣла посредствомъ волшебника Бильбокста, моего друга; чрезъ это сохранялось мое могущество. Какъ скоро взята была у меня куколка, такъ

скоро сдѣлалась я обыкновенною женщиною, и этого превосходнаго сокровища ты меня лишилъ! Пусть же эта опасность, отъ которой избавился ты теперь, послужитъ тебѣ наставленіемъ. Ты довольно наказанъ за свой худой поступокъ. Смотри, впередъ не дѣлай ничего подобнаго.

Томисъ клянется своей крѣстной матери, что уже впередъ будетъ уменъ и остороженъ. — Послѣ этаго волшебница Тонтона пошла въ домъ лѣшаго за куклою. Такъ какъ не имѣла она уже болѣе въ ней нужды; то она превратила ее въ прекрасную дѣвицу въ Томисовы лѣта, и назвала ее своею дочерью, давъ ей имя

Кердамура. Она росла вмѣстѣ съ Томисомъ. И когда пришли они въ лѣта, волшебница Тонтона сочетала ихъ бракомъ. Свадьба играна великолѣпно при всемъ соборѣ прелестнѣйшихъ, что ни есть въ свѣтѣ красавцевъ и красавицъ. Томисъ былъ добрый мужъ: онъ вѣчно помнилъ пѣвчую куклу и тѣ опасности, которымъ подвергся онъ по своему легкомыслію и нескромности.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.